

С. Соловейчик

**ВОСПИТАНИЕ
ТВОРЧЕСТВОМ**

Народный университет
Педагогический факультет
№ 8, 1978 г.
Издается ежемесячно с 1964 г.

С. Соловейчик

**ВОСПИТАНИЕ
ТВОРЧЕСТВОМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» Москва 1978

С. Л. Соловейчик
С 60 Воспитание творчеством. М., «Знание»,
1978.

96 с. (Нар. ун-т. Педагогический факультет, 8.
Издается ежемесячно с 1964 г.)

В книге рассказывается о коллективном воспитании детей, о том, как развиваются традиции А. С. Макаренко сегодня, о том, как велики возможности общественного творческого воспитания и какие огромные резервы есть у каждого воспитателя в развитии организаторских навыков у детей, в выработке у них активной гражданской нравственной позиции в жизни.

60300

74.213
371.018

Редактор О. Г. СВЕРДЛОВА

© Издательство «Знание», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта небольшая книга затрагивает одну из самых важных проблем советской школы — проблему коллективного воспитания. Педагогическая идея воспитания детей в дружном, целенаправленном коллективе можно сказать predeterminedена всем социальным строем нашего государства. Оттого с начала двадцатых годов и до наших дней она владеет умами выдающихся советских педагогов — Крупской, Шацкого, Макаренко, Сухомлинского. Но само собой разумеется, что в каждый исторический период эта проблема решается по-своему, потому что маленький детский коллектив — неотъемлемая часть огромного коллектива советского народа, постоянно развивающегося. Используя весь богатый опыт нашей педагогики, современные воспитатели ищут новые пути работы с детьми, смело экспериментируют, выдвигают новые идеи, порой довольно дерзкие. Известно: теория, как бы ни была она важна — суха, но вечно зелено живое дерево практического опыта.

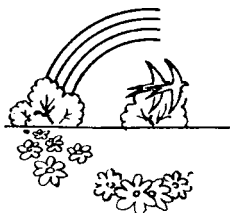
В этом, пожалуй, главная ценность книги «Воспитание творчеством»: в ней нет умозрительных рассуждений о воспитании, о том, каким оно должно быть. В ней обсуждается очень конкретный, точно очерченный педагогический эксперимент, который вот уже четверть века ведут ленинградский ученый проф. И. П. Иванов и его последователи. Автор ставит вопрос просто: вот воспитатели, добивающиеся значительного эффекта в своей работе. Как у них это получается? Упор сделан на анализ лучшего, что есть в данном эксперименте. Во всем ли правы педагоги? Не допускают ли они просчетов? Увы, педагог

редко бывает прав во всем — слишком сложна его работа, слишком много влияний на детей приходится ему учитывать. Если можно представить себе машину, обучающую какому-то ограниченному кругу знаний, то ЭВМ воспитывающей нет и, я надеюсь, никогда не будет.

Поэтому станем относиться к практическому опыту хозяйски: сосредоточивать свое внимание не на спорном, а на ценном, на сильных, а не слабых сторонах, на том, что будит нашу мысль, что помогает в работе. И так, по крупице, бережно поддерживая новую мысль в самом ее зародыше, коллективными усилиями тысяч и тысяч педагогов-новаторов и ученых мы приблизимся к высокому идеалу коммунистического воспитания.

Президент Академии педагогических наук СССР

A handwritten signature in black ink, appearing to read "В.И. Ленин" (V.I. Lenin), written in a cursive style. The signature is enclosed in a circular stamp or seal.

1. РЕЗУЛЬТАТ

Идея принадлежит ленинградцу Игорю Петровичу Иванову, теперь профессору и доктору педагогических наук. Он получил философское образование, был учителем в школе, работал в ЦК ВЛКСМ и с середины пятидесятых годов стал заниматься методикой воспитания, но не в одиночку, а с группой учителей и вожатых Ленинграда. Они вместе обсуждали педагогические изобретения Игоря Петровича, тут же применяли их в своих школах и с удивлением обнаруживали, что дети меняются. Они все были молоды, Игорь Петрович поражал их своей начитанностью, новизной взглядов, верой и вдохновением; успехи окрыляли их, будущее их работы казалось им значительным, и они называли себя «Союз энтузиастов».

Союз этот существовал три года. Круг идей определился, они были отработаны настолько, что можно было от разрозненных опытов переходить к широкому эксперименту.

В марте 1959 года во Фрунзенском Доме пионеров и школьников Ленинграда собралась небольшая группа семиклассников и восьмиклассников. Предполагали, что создается скромная районная школа пионерского актива; первых ребят вызвали в Дом пионеров просто телефонограммами на имя старших вожатых: кого пришлют, того и пришлют. Однако система идей, дел, отношений, предложенная И. П. Ивановым, оказалась настолько привлекательной, что вскоре в Доме пионеров появились ребята, далекие от общественной работы. Принимали всех, кто придет, без разбора — так и сложилась «Фрунзенская коммуна». Коммуной это не вполне обычное и не вполне понятное педагогическое учреждение назвали в честь А. С. Макаренко; и все, что относилось к Фрунзенской комму-

не — дух, стиль отношений, формы работы и всю методику, — стали называть «коммунарскими». И. П. Иванов так определяет истоки коммуны: «...Педагогические заветы В. И. Ленина, и Н. К. Крупской, С. Т. Шацкого и А. С. Макаренко, А. П. Гайдара и В. А. Сухомлинского, бесценный опыт школ-коммун 20-х годов, детского и молодежного коммунистического движения, опыт лучших современных школ».

Впервые коммуна юных фрунзенцев показала себя на большом летнем сборе в Ефимовском районе Ленинградской области. Говоря нынешним языком, это был лагерь труда и отдыха школьников, но в то время таких лагерей почти не было. Коммунары работали в колхозе и вели себя так, что все вокруг спрашивали: «Откуда таких ребят набрали?»

Этот вопрос всегда потом сопровождал коммуны. Они действительно казались необыкновенными, четырнадцатилетние и пятнадцатилетние ребята. Абсолютная доброжелательность... Готовность прийти на помощь... Веселый настрой... Выдумки, сюрпризы, розыгрыши... Доброе отношение к старшим друзьям... И какая-то теплота в коммуне, какой-то чистый и светлый воздух; в нем легко дышать, в нем пьянеешь немного, забываешь про себя, про свое, и кажется тебе, что ты и сам стал чище и лучше, ты сам хочешь кому-нибудь немедленно помочь, сделать что-то необыкновенное. Это получилась действительно коммуна: в ней общие настроения, взгляды, отношения, стремления — дух общности.

С первых дней ею руководили педагоги И. П. Иванов, Л. Г. Глебова и методист Дома пионеров Ф. Я. Шапиро.

На ребят дух коммуны действовал неотразимо. Им казалось, что они попали в какой-то уникальный, неповторимый мир, что это они сами молодцы — сумели создать такую прекрасную жизнь.

Но вот коммуна организовала первый свой спутник в одной из школ района. На сто ребят летнего школьного лагеря пришлось всего с десятков коммунаров — и в спутнике установился точно такой же дух, как в коммуне! И такие же отношения! И ребята оказались — хоть сейчас принимай их в коммуны.

Потом не один, а по десять лагерей-спутников создавала коммуна; теперь всего по три-четыре коммунара на сотню новых ребят приходилось в лагере. А когда они встречались, то первый вопрос у них был: получилось? Вышло? Сделали?

Так незаметно и неоцененно появилось понятие о **результате**.

Обычно воспитатель видит результат своей работы через десять, двадцать лет, если вообще когда-нибудь видит. Да и как его определить? По должностям и успехам воспитанников, что ли? Да и верно ли это — относить результат сегодняшней работы в такое далекое будущее? Дети-то живут сегодня, а не в будущем... Много раз пытались найти критерии воспитательной работы, составляли списки признаков, но обычно исходят из того, что **делает** воспитатель, а не из того, что он **сделал**, что он получил. Вроде бы ничего он и не получает — нет конца воспитательной работе, нету, так сказать, продукта, не детьми же отчитываться. А работа без конца, без результата и, следовательно, без цели — малопродуктивна.

Нет, должен видеть воспитатель сегодняшний и совершенно определенный результат. Должна быть практичная и ясная сегодняшняя цель, точный сегодняшний образец, сравнивая свои успехи с которым воспитатель мог бы сказать себе «да» или «нет», получилось у него или не получилось.

Таким образом и стала Фрунзенская коммуна, ее дух. Когда ребята, встречаясь после лагерей-спутников, спрашивали друг друга: «Получилось? Вышло? Сделали?» — то никому не надо было объяснять, что же именно получилось, что сделали. Никто не мог бы в понятиях определить этот дух коммуны, дух коллектива, но каждый знал, есть он или его нет. Есть результат — или ничего не вышло. Результат — нечто существенное, существующее, то, про что можно сказать, есть или нет. Результатом в коммунарской методике негласно стали считать появление и полную победу коллективистского духа.

Позже было лето, когда не десять, а восемнадцать лагерей-спутников организовала коммуна, почти две тысячи ребят вывезли, и во всех восемнадцати лагерях **получилось**.

Да ведь и у каждого из нас для всякого дела есть образцы в голове, которые позволяют нам безоговорочно судить, получилась работа или не получилась. От воскресной прогулки за город до проекта нового города — мы про все можем сказать, получилось или не получилось.

Как только появилось представление о результате работы, вся она приняла совершенно новый характер: каждый обрел ясную цель, появился образ-эталон, без которого воспитывать очень трудно. Образ, а не список качеств, потому что педагогика — не будем забывать — искусство, а искусства нет вне образов. Не случайно именно «Педагогическая поэма» стала руководством для воспитателей: в ней есть образ цели, есть привлекательный эталон.

В коммунарской методике видно стремление добиться такого же результата, какой Макаренко получал, но не копируя его организацию. Попытка создать аналогичную по результату систему воспитания, но в новых условиях, в обычной школе, без интерната, без завода и в нынешней социальной атмосфере, с нынешними детьми, которые, конечно же, отличаются от бывших беспризорников двадцатых годов. Нацелились на результат, а не на повторение методов, пусть и отличных. Не то стало важным, что провели с детьми, а — что получили. Не то важно, что делали — что сделали.

Многие сразу почувствовали в коммуне вкус и запах современности, современных подходов к делу, современной педагогики.

Коммуна стала буквально притягивать к себе взрослых. Ее поддерживали Фрунзенский райком КПСС, Ленинградский обком комсомола, Центральный комитет ВЛКСМ. Спустя год или два при Доме пионеров постоянно работали выпускники Ленинградской консерватории В. Малов, И. Леонова, М. Бородулин, учителя М. Забиран и А. Зуев, инженер В. Корн, бригадир машиностроительного завода А. Морковский, строитель И. Ефремов, большая группа московских студентов-художников во главе со своим преподавателем Б. М. Неменским. При чем слово «работали» не вполне точно: они жили коммуной,

они отдавали ей каждую свободную минуту и уж, конечно, каждый отпуск.

Этим коммуна принципиально отличается от множества подростковых клубов: она держится не одиночными усилиями добровольного воспитателя-энтузиаста, это большой коллектив старших и младших, «творческое содружество поколений», как говорит И. П. Иванов. И еще коммуна привлекла большое число журналистов, писателей, педагогов-ученых, психологов. Их притягивал необычный дух коммуны. Ну хотя бы просто посидеть и полюбоваться на коммунаров, когда они собираются вместе, отойти душой от забот, перенять радость у веселых, добрых, энергичных ребят и подняться вместе с ними, когда дежурный провозглашает:

— Смело и бодро вперед!

И вместе со всеми ответить:

— Победа во что бы то ни стало!

А сами ребята принимали коммуны как полный переворот в их жизни. «Я стал другим», «Я узнал, что такое жизнь», «Я узнал себя», «Я стал лучше», — объявляли в сотнях анкет.

Приведу неподписанное сочинение старшеклассника из коммуны:

«Первый сбор для меня был весенний, на весенних каникулах. Тогда я впервые с удовольствием пел вместе со всеми, хотя петь я не люблю, потому что не умею. Запел я на сборе лишь потому, что приятно было петь, когда кругом ребята, которые хорошо к тебе относятся, уважают тебя, хотя и они тебя и ты их мало знаешь. Первое, что приходит на память, это атмосфера сбора, атмосфера доброжелательства, уважения, веселья. Именно на сборе люди впервые раскрывают себя.

Потом был летний сбор, он оглушил, ошеломил меня. Меня увлек быстрый ритм, все делалось на подъеме, без какого-либо давления и нажима со стороны коммунаров и старших. Походы, встречи, новые люди, поиски семей героев, дружба с местными, работа в поле — все это мне очень нравилось. Нравилась и огоньки, и суды, и диспуты, все это было для меня в первый раз. Я старался делать все. И после этого сбора меня приняли в

коммунары. Я не понял, что произошло, но событие это повлияло на мою жизнь.

Осенью мы собрали в школе «спутник», т. е. кто был летом на сборе, и решили сами провести осенний сбор. Впервые я принял участие в подготовке сбора. Искали новых людей, думали над тем, какие дела проводить на сборе, думали, как провести спутник поинтереснее, чтобы ребята потом все делали сами и чтобы они ощутили то, что нам удалось ощутить после первого сбора. Приходилось обдумывать, как вызвать у ребят интерес к работе, чтобы они жили коммуной, а не выполняли то, что мы будем говорить».

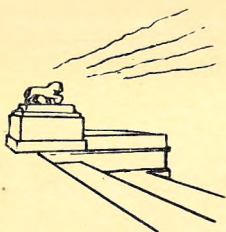
Приведу еще два письма из сборника «Фрунзенская коммуна» (М., 1969 и 1972 гг.).

«До коммуны у меня был один друг. И все. Остальные — приятели; мы узнавали друг у друга по телефону, что задано на дом, советовались, как решить задачу, вместе гуляли, играли. Они отличались от моих нынешних товарищей. Главное их отличие было в том, что сверстники довольствовались мною таким, каким я был, не заставляли меня быть лучше, не требовали от меня большего, чем я давал. Поэтому мы были только приятелями (школа моя, кстати, тоже довольствовалась и тоже не требовала). А с другом мы еженедельно ссорились. Но именно он привел меня в коммуны. Там у всех были добрые глаза, и называли меня с первого дня по имени — Володя. Через две недели исполнится пять лет со дня моего открытия коммуны. Пять лет приобщения к коммунарскому братству. За это время я разглядел товарищей не только по их добрым глазам, но и по добрым по отношению ко мне делам».

Другой школьник пишет: «Иногда хочется побыть втроем, вчетвером. Но как хорошо, когда вокруг тебя 10, 30, 100. И не чужих людей — они знают тебя, волнуются за тебя, приходят на помощь, улыбаются. Коммуна дала мне 150 таких людей — 150 товарищей. Пожалуй, самая большая заслуга коммуны в том, что она допустила нас к жизни не наблюдателями, а участниками. Она убедила нас, что преступно ждать взрослости, чтобы начать жизнь... Сперва, когда человек приходит в комму-

ну, он находит удивительно честный, добрый и интересный мир. Когда человек подрастет, он начинает понимать, на чем держится коммуна, в чем ее сущность. Сущность коммуны, по моему, в том, что мы все живем ради товарищей».

Спросим себя: а что мы хотели бы от наших вырастающих детей, какими мы хотели бы их видеть? Да, пожалуй, пусть они и будут такими: участниками жизни, а не наблюдателями ее, и пусть стараются быть лучше, и пусть радуются своему труду и гордятся им — считают себя полезными и нужными людьми. Пусть будут так же полны веры в жизнь и в свое право и способность улучшать ее. Пусть у них будут добрые глаза, и пусть они всегда видят вокруг себя только добрые глаза, только добрые!

2. ПОЛУЧАЕТСЯ

Три года работы показали, что коммунарская методика очень эффективна. Стало понятно, что это бесценный опыт и надо распространять его, передавать воспитателям и комсомольцам-школьникам.

В январе 1962 года «Комсомольская правда» объявила, что она открывает на своих страницах заочный Клуб юных коммунаров. Цель его фактически состояла в пропаганде опыта Фрунзенской коммуны. Школьным комсомольским группам предлагали выполнять задания и присылать отчеты. Письма сразу посыпались со всех сторон: «В зимние каникулы нам неожиданно пришла мысль: а что, если и в нашей школе создать клуб юных коммунаров (об этом мы вычитали в «Комсомольской правде»). Сходили в горком, посоветовались, решили все это открытие сделать неожиданностью, договорились о том, чтобы открывать клуб в помещении горкома. После открытия, уже в 11-ом часу вечера, решили расчистить от снега памятник павшим героям. Мы, организаторы клуба, сияли: с каким энтузиазмом и желанием все высыпали на улицу и под мерцающим северным сиянием, в морозном тумане принялись за работу! Нам казалось, что такого еще не было. Быстро справившись с работой, юные коммунары отправились по домам, а мы, сияющие, не замечая 40-градусного мороза, с лопатами на плечах, пели песни, и домой идти совершенно не хотелось. А назавтра засвистела пурга и школы не работали целую неделю. Но вряд ли кто-нибудь из нас мог спокойно сидеть целую неделю из-за снежной бури и мороза. Давнишняя наша мечта — организовать молодежное кафе, где можно бы-

ло бы чувствовать себя полными хозяевами, устраивать дискуссии, конкурсы и просто не зря терять время. И эта мечта, когда за нее взялись коммунары, тоже стала былью.

После организации первого кафе мы решили провести воскресник по уборке от снега школьной территории. Было много оригинальных предложений, но мы остановились на самом необычном, чего у нас еще никогда не было: начать работу ровно в 6 часов 11 минут (в 6, а не в 18!). Правда, пришлось поспорить с любителями поспать, но мы решили испытать волю каждого, его отношение к общественному делу. И что же?

В предрассветных сумерках, при свете луны, окрыленные романтикой коммунары и желающие принялись за работу. Постепенно светало, а у нас почему-то прибавлялось и прибавлялось энергии. Единогласно, под общий восторг и вдохновение, приняли мы решение: в середине июня своими силами по собственной инициативе привести в надлежащий вид ближайший пионерский лагерь. Каждый год на подготовку к работе этого лагеря тратится очень много средств и времени, мы же пришли к тому, что можем использовать свою энергию и насладиться свои души романтикой.

Большой совет салехардского клуба юных коммунаров средней школы № 1».

Возможно, читатель улыбнулся возвышенному стилю послания — кажется, оно написано в героические времена начала двадцатых годов. Но отметим его несомненную искренность.

В школах появились карты, на которых ребята флажками отмечали места, где созданы секции клуба юных коммунаров. Многим хотелось насладиться свои души романтикой. Но вскоре стало ясно, что опыт трудно передать без живого общения с Фрунзенской коммуной. Работать под мерцающим северным сиянием — это ребята могут. Но сделать коммуны... Ребята должны увидеть образец! В газете можно рассказать о методе, о приеме, об организации, но как передать коммунарский дух? Как показать результат?

Летом 1962 года было решено провести коммунарский сбор во Всероссийском пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок» под Туапсе. Это было довольно скромное событие. Собрали всего сорок ребят из тех школ, откуда пришли лучшие отчеты о работе. Центральный Комитет выделил путевки, ленинградцы прислали семь ребят-коммунаров и трех вожатых: В. Малова, И. Леонову, Л. Балашкову. Но было неясно, что из этого получится. Будет ли отряд старшеклассников жить по законам Ленинградской коммуны? Появится ли красивый стиль коммунарской жизни? Привьется ли он?

То, что получилось, превзошло все ожидания.

Этими ребятами нельзя было налюбоваться! Веселые, подтянутые, энергичные — во всех соревнованиях все первые места у них. С утра они каждый день — на работе, если дежурят — то это праздник для всего лагеря, а вечерами их на танцах не увидишь — по вечерам у них «Огонек» у костра, разговоры о жизни, о прожитом дне («Была ли от нас сегодня польза?»), и песни, песни, песни...

И, уж конечно, никаких «ЧП», никаких нарушений дисциплины — ребят можно было оставить одних хоть на сутки, хоть на все время: они совершенно не нуждались в надзоре.

Тогда все это было в новинку. Мы с заведующей школьным отделом «Комсомольской правды» Е. С. Брусковой приезжали в «Орленок» посмотреть на отряд — и глазам своим не верили. Мы же работали в школе, мы же знаем, что такое сорок старшеклассников! В анкетах после сбора комсомольцы писали:

«Не думал, что есть такие ребята, не представлял себе, куда еду. Самое сильное впечатление — ленинградские коммунары».

«В «Орленке» я узнал, какие есть люди и какой я».

С этим постоянно сталкиваешься, когда читаешь коммунарские анкеты; если на сборе сто человек, все сто с удивлением пишут, какие, оказывается, прекрасные ребята есть на свете! Все сто открывают прекрасных людей в себе самих...

С первого маленького сбора в «Орленке» пошла цепная реакция. Методика, созданная ленинградским ученым, обрабо-

танная ленинградскими педагогами, стала распространяться по многим городам. Возвращаясь из «Орленка» в школу, ребята искали близких им учителей, создавали секции клуба юных коммунаров, обучали взрослых и одноклассников работать по-новому. В первую же зиму ребята из орлятского отряда съехались на сбор в Москву, и каждый привез чуть не по десятку своих товарищей. Оказалось, что старшекласники из пятнадцати разных городов — друзья.

«Я впервые встретился с такими ребятами и нашел среди них таких друзей, каких, может быть, не найду никогда».

«Мне бы очень хотелось, чтобы многие ребята поняли то, что поняла на московском сборе я. Чтобы многие скептики, которые, к сожалению, еще есть, поняли, как хорошо, тепло можно дружить и работать».

«Я поняла, что такое настоящая дружба. И еще я узнала, что можно чувствовать себя счастливой, когда делаешь обыденное дело, поешь вместе с друзьями песни и просто играешь в «козлика» и водишь хоровод».

...Оценим, товарищ читатель, эти восторги. Ведь ребята восхищаются именно работой, отношениями, обновлением своим — никто не пишет, что ему было «весело», совсем другое привлекает! Оценим все это и подумаем: а могли бы мы за **пять дней**, собрав сто незнакомых между собой школьников, достичь таких же результатов, даже если бы мы очень старались.

После первого удачного опыта по коммунарской методике стал работать весь «Орленок». Годом раньше вожатые лишь присматривались к отряду «Комсомольской правды» и не понимали, что же это происходит (казалось, что просто в отряде очень хорошие вожатые). Теперь они сами овладели методикой, и уже не сорок, а пятьсот комсомольцев-старшекласников повезли ее по стране. По живой цепочке передавался из города в город образ коммуны, путешествовала коммунарская методика. Из Ленинграда — в «Орленок», из «Орленка» — в Горловку, из Горловки занесло ее в Пермь, в Мотовилихинский РК ВЛКСМ, из Перми — в Соликамск. Мотовилихинская коммуна и сейчас

живет, уже почти пятнадцать лет.

В челябинскую школу № 1 вернулись из «Орленка» Саша Мещерский и Наташа Суслина. Поезд приходил в пять утра, но их встречали, потому что еще в письмах ребята обещали: возем нечто необыкновенное. И тут же, на вокзале, состоялась первая «пресс-конференция», в пять утра. Рассказывали, перебивая друг друга, поразили воображение товарищей, и на следующий день — это было накануне нового учебного года — состоялся первый коммунарский субботник, а вечером зажегся первый в Челябинске «Огонек» — маленький костер на заднем дворе школы, вокруг него — пятнадцать ребят, и, что самое важное, в кругу ребят был директор школы В. А. Каракровский. Его учили вернувшиеся из «Орленка» гонцы, а он слушал и удивлялся внутренней логике воспитательной системы, которая из Фрунзенской коммуны через «Орленок» пришла к ним.

Я был в этой школе в конце первого «коммунарского» ее года и провел анкету в старших классах: «Комсомольская работа в школе стала лучше? Хуже? Не изменилась?» Из 56 выпускников (а выпускники, как известно, не самая активная часть школьников) 54 ответили: «Лучше!», и двое: «Не знаем». А недавно «Комсомольская правда» писала о Челябинской школе В. А. Каракровского: «Высокое содержание человеческих отношений — забота, доверие, нежность и бережность друг к другу...», «Кажется, школа отобрала каких-то очень нежных, даже сентиментальных ребят...», «Кузницей общественников» считают ее в обкоме комсомола».

Директор же школы В. А. Каракровский в книге «Грани воспитания» так пишет о комсомольцах из школьной коммуны: они «не ждут задания, они сами ищут, где и кому нужна помощь. Их самоорганизация позволяет обходиться без надзора и контроля взрослых. Характер взаимоотношений между ребятами таков, что идет борьба за самую тяжелую лопату, друг помогает другу, стараясь взять на себя наиболее трудную работу. Сколько бы ни было людей, они разбиваются на группы, между которыми идет веселое соревнование. Закончившие работу немедленно приходят на помощь тем, у кого она еще есть».

Обязательным признаком коммунарского десанта является хорошее настроение. Коммунары стремятся любую, даже самую грязную, работу превратить в праздник. Звучат песни, речевки, шутки, смех».

Саша Мещерский, который привез все эти новости из «Орленка», сегодня дипломат, служит в Женеве и раз в году обращается к ребятам по телефону: «Слушайте, — объявляют на сборе, — говорит Женева». В. А. Караковский, кандидат педагогических наук, сейчас работает директором московской школы, разумеется, по той же методике. И непременно получит те же результаты: его дети через год или два будут казаться специально отобранными.

Вот письмо десятиклассника из Ленинанкана Айка Котанджяна. Я был в коммуне, которую он создал в своей школе после «Орленка», она почти не отличалась от Фрунзенской. Аик писал друзьям в Ленинград: «Был в Баку и Сумгаите, пригласили на первый республиканский слет школьного комсомола Азербайджана. Не хочу описывать — было бы нескромно... Просто постарался с моим другом Аркадием Дозорцевым да и с другими хорошими ребятами сделать сбор коммунарским. Кажется, вышло. Ну и все. Наша цель — счастье людей! Мы победим! Иначе быть не может! Аик Котанджян».

Не надо ничего описывать, не надо долго рассказывать: получилось! Вышло! «Ну и все».

Чтобы окончательно убедиться в действенности новой методики, лучше понять ее, коммунарский клуб был организован и при редакции «Комсомольской правды». В то время создавалась полоса «Комсомолки» для подростков «Алый парус», естественно, что и клуб назывался так же. В нем было примерно семьдесят московских старшеклассников из разных школ: ребята-москвичи из «Орленка» приводили своих друзей, а те, в свою очередь, зазывали новичков. Руководили работой клуба вожатые «Орленка» и еще несколько студентов и педагогов: недостатка в старших друзьях не было. В Голубом зале «Комсомольской правды» собралась разношерстная компания, в которой выделялись насмешливые скептики, или ребята улич-

ного толка, или тихони. Но прошли месяцы — и ленинградские коммунары, приезжавшие в Москву, говорили, что в «Алом парусе» точно такой же стиль отношений, точно такой же дух, что и во Фрунзенской коммуне: такое же стремление быть полезным людям, такая же изобретательность в работе, и так же все стараются взять на себя самое трудное дело, и так же неистощимы в выдумках, шутках, розыгрышах, и так же любят преподносить друг другу веселые сюрпризы, и так же могут без конца петь, и такие же у всех добрые глаза, как и в коммуне. И так же, как в коммуне, все чувствуют себя защищенными, все открыты, все говорят искренне и с воодушевлением.

Опять получилось...

Ребята собирались лишь раз в неделю, по средам, и хорошие же это были вечера! Никаких тренировок, никакой необходимости повышать голос или сердиться, ничего формального, никакого стеснения души. Странно было думать, что до встречи с Фрунзенской коммуной мы все, хоть и были учителями и вожаками, ничего этого не знали, ничего не умели — были безграмотны. И уж совсем поражало в Голубом зале «Комсомолки» то, что мы не сами придумали нашу коммуну, что мы честно **скопировали** методику ленинградцев и получили точно такой же, как у них, результат! Теперь наши дети сердились, если оказывалось, что вот уже какое-то время, целую неделю никому от них не было пользы, никому не принесли они радость... А ведь явились к нам разболтанные, и на каждое серьезное слово — десяток шуточек и усмешечек. Мы были подражателями по существу — но это и радовало больше всего: значит, в методике содержится объективное, значит, она не зависит от личностей... Если повторили мы — повторяют и другие, и третьи, и четвертые...

Группа химкинских ребят из «Алого паруса» поехала на каникулах в Ленинград, во Фрунзенскую коммуну. Вот запись в их совместном дневнике: «В субботу вечером мы были в Ленинграде. Впечатлений так много, что даже не знаешь, с чего начать. Самое главное, пожалуй: мы по-настоящему увидели, как живут настоящие люди. За эти 8 дней мы побывали и в спут-

никах коммуны и собственными глазами увидели, что значит настоящий коллектив (отряд «Кавказ») и как трудно его организовать (отряд «Волга»). Но самое главное, по-моему, коммуна. И хотя много раз говорили нам на огоньке, чтобы мы не искали чего-то особенного и необыкновенного, это все-таки очень здорово — жить и работать, как ленинградские коммунары».

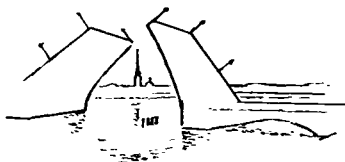
Опускаю письма, отчеты, дневники из Барнаула, Новосибирска, Белебея, Якшур-Бодьи (это в Удмуртии), Киева, Ульяновска. Опускаю рассказ об известной Салаватской коммуне, «Салаватской зажигалке», как ее назвал очеркист В. Кокашинский («Из чистого интереса», М., 1976). Опускаю рассказ о Красноборской школе куда приехали несколько владевших коммунарской методикой молодых воспитателей и сделали школу как коммуны.

Пропускаю много лет. Но вот нынешние дни, заметка в «Комсомольской правде» от 19 января 1978 года: «Сначала мне казалось, что наши комиссары — вроде земных богов. Они умеют все — и петь, и рисовать, и думать о добрых делах, и делать их... Потом поняла, обыкновенные люди. Только чуточку больше ответственности за других взвалили они на себя. Раньше я просто учила уроки, просто гуляла, ходила в театры и кино. А теперь начала... жить».

Это письмо девятиклассницы 73-й московской школы, а «комиссары», о которых она говорит, — ребята из педагогического отряда «Комсомольской правды», продолжающего работу «Алого паруса».

Другие времена, другие школьники, другие люди в «Комсомолке», но все то же самое: «Я начала жить...»

По подсчетам сотрудников «Комсомольской правды», примерно 250 тысяч ребят воспитывались по-коммунарски.

3. СБОР, СБОР, СБОР!..

Истинно эффективную педагогическую систему, то есть систему, сознательно рассчитанную на результат и дающую высокий результат, невозможно понять, пока не рассмотришь и не исследуешь ее внутренние логические связи. «...Любое воздействие на личность теряет свою силу, если нет других воздействий, — писал В. А. Сухомлинский, — любая закономерность превращается в звук пустой, если не реализуются сотни других закономерностей».

В бессистемной педагогике можно использовать половину методов и четверть принципов — и все равно получится видимость работы, а на результат эта педагогика и не нацелена. В системной педагогике стоит опустить один элемент, и результат будет нулевым, вся работа превратится в «звук пустой».

Коммунарскую методiku невозможно разложить на «как» и «что» — каждый отдельный элемент вызывает недоверие, пока не увидишь, чем он подкрепляется. Надо увидеть, как одна идея вытекает из другой, понять, почему один прием невозможен без другого, и заметить, что любое явление можно рассматривать и как причину, и как следствие. Почти двадцать лет вижу, как работает методика, и почти двадцать лет пытаюсь понять секрет ее успеха. Сколько было споров, сколько разных вариантов объяснений, сколько попыток найти нечто единственно главное, найти какой-то один удобный для понимания и объяснения принцип! Результат — вот он, налицо, его достигает каждый, кто точно следует методике, это теперь бесспорно. А вот понять... Ничего удивительного: искусство легче перенимается, чем понимается. И все-таки я попытаюсь дать объяснение эффективности системы, причем сразу попрошу неудовлетворенного читателя относить свое недовольство на счет объяснения, а не

на счет методики.

...Какою бы ни была окружающая детей жизнь, воспитатель обязан учить их лучшей жизни — в обоих смыслах этого слова, объединяющего сравнительную и превосходную степени. Примем в качестве рабочего определения, что воспитывать — это значит **учить детей лучшей жизни**. Но даже дрова не научишься пилить, пока не возьмешь в руки пилу. А жить лучшим способом? Общаться с людьми? Работать? Относиться к себе и к жизни? Мы призываем детей к коллективистским отношениям — а они их в глаза не видели и не уверены, лучшие ли они. Мы говорим о подвигах — а дети их не совершали. Говорим о бескорыстии — а иные ребята ни разу ничем не поступились. Говорим о любви, товариществе, дружбе — но разве мало юношей и девушек выходят в жизнь с убеждением, будто любовь и дружба есть только в книгах? Этот перечень можно продолжать без конца. Дети говорят, читают и пишут о том, чего они в жизненной практике не видели, не пробовали, не испытывали. Не знают и не чувствуют! Мы зовем их к чему-то высокому — а к чему именно? Такое воспитание можно сравнить с огромным заводом, где множество цехов работает на полную мощность, но нет цеха сборки, нет конвейера, на котором детали превращаются в готовое изделие. Склады забиты, а продукции нет.

Ах, если бы мог воспитатель, придя к ребятам, с самого начала, чуть ли не с первого дня, не требования предъявлять и не рассказывать о лучшей жизни, а **показать** им эту лучшую жизнь — причем не со стороны, а так, чтобы они сами, ребята, и были действующими лицами этой новой жизни! Если бы воспитание не заканчивалось достижением идеальных отношений, а **начиналось** с появления, с предъявления реального идеала! Если бы «цех сборки» начинал работать немедленно, и ребята могли бы **видеть** плоды своей работы — искомую лучшую жизнь! И себя самих лучших! Как бы они стремились к такой цели! Как упростилась бы вся работа воспитателя!

Но, скажут, это ведь невозможно. Это значит перевернуть все представления о воспитании с ног на голову. Поставить сани перед лошадью, результат работы — перед самой рабо-

той. Это же нелепо!

Но отчего же только физикам привилегии на дерзкие идеи, подвигающие науку сразу на сто лет вперед? Отчего так упорно не верим мы, что и в древнейшей науке об искусстве воспитания **могут** совершаться значительные открытия? Отчего все на свете — химики, физики, электрики, медики, токари, пекари — все живут в ожидании нового, привыкли к постоянным и кардинальным обновлениям в своей работе, и только в воспитании, считается, ничего существенно нового нет и быть не может?

А вот, пожалуйста: для задачи, которая любому нормальному человеку покажется неразрешимой, находится решение.

Я, воспитатель, должен привести ребят к лучшей жизни. Это процесс долгий, трудный и порой безрезультатный. Но, оказывается, я могу создать **вкрапления** лучшей жизни в обычную, а затем расширять их до тех пор, пока обычная жизнь не подтянется до уровня идеальной. Могу создать в душе воспитанника, пусть самого дурного по характеру своему, островок «Я-лучшего» и затем расширять его, пока это «Я-лучшее» не вытеснит «Я-прежнее». Могу хотя бы на самый короткий срок создать идеальные отношения между детьми, а затем, опираясь на собственный их новый опыт и многократно повторяя его, распространять отношения на всю жизнь коллектива. Я не могу мгновенно переделать ребенка, да это и не нужно в большинстве случаев, но я могу переменить отношения в коллективе, и дети перемянутся сами.

Островки во времени и в душах, островки идеального! Используя коммунарскую методику, воспитатель научается относительно быстро создавать реальные примеры, доступные и привлекательные для детей и подростков. Он показывает детям образ лучшей жизни — не набор требований предъявляет и не набор качеств, а именно цельный художественный образ. Только не книжный, а живой, жизненный. Это достигается многими способами, но прежде всего — на коммунарском сборе. Сбор — как романтическая книга о романтических героях, но ее не читают, а проживают, и герои в ней — сами воспитанники.

Влияние, которое оказывает сбор на ребят, ни с чем невозможно сравнить.

...Представьте себе полугодовой план воспитательной работы, в котором пять субботников, пять собраний, два-три диспута, множество вечеров отдыха, десяток лекций... Скажут: насыщенный план. А теперь представьте, что весь этот план выполняется не в полгода, а в пять дней, причем на самом высоком уровне. Вот это и есть коммунарский сбор: трижды в году на коротких каникулах и летом на месяц ребятам дают предельно насыщенную жизнь.

Концентрация педагогических усилий и материала — основное отличие современной педагогики. Есть классы, где проходят с первоклашками за год чуть ли не двухлетнюю программу. Учителя иностранного языка учат погружением в иноязычную среду. Нет, все они не торопятся, не экономят время уплотнением — они достигают нового качества. Так и на коммунарском сборе: огромное количество дел создает новое явление — истинно коллективистские отношения между детьми, отношения, которые не сразу внедришь в обычной, «разреженной» жизни. Когда дел очень много, то сами собой отпадают «не хочу», «не могу», «не умею», «пусть делает другой», «а почему я» и т. п. Некогда задавать вопросы, надо дело делать! Все знают, как сплачивает ребят обыкновенный недельный поход. Но если принять воспитательное влияние похода за единицу, то влияние недельного сбора будет сто или двести таких единиц.

Американский психолог У. Бронфенбреннер, автор известной книги «Два мира детства. Дети в США и СССР» (М., 1976), развивает теорию, по которой ребенок воспитывается на положительных моделях, поощряемых воспитателем. Но что же именно моделируется? Если моделью служит сверстник, как часто считается, то крайне велика опасность, что и все станут как один. Нет, моделируется не личность: моделируются отношения. Ребята остаются разными, каждый на свое лицо, непохожие друг на друга, но отношения между ними одинаковые: дружелюбные отношения взаимной поддержки, взаимного

согласия, взаимного внимания, взаимной симпатии.

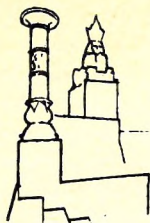
Усилия педагога направляются не только на ребенка, и не только на коллектив, и тем более не только на мероприятие, а на **отрезок жизни** коллектива. Моделируется лучшее время, времяпровождение, лучший способ прожить один день человеческой жизни со всеми его сложностями.

Возникает новая организация воспитания: аналогичная уроку в обучении, но непохожая на урок, а своя, специфическая. Сбор, как урок, можно наполнить самым разнообразным содержанием.

Директор челябинской школы № 1 пишет: «Ежегодно в период весенних каникул школа превращается в молодежную коммуны. Трое суток около двухсот ребят... сообща работают, отдыхают, спорят, мечтают... Хочется отметить громадную популярность сбора среди ребят всех возрастов. Нетерпение, с каким ждут очередной сбор, большое количество желающих участвовать в нем, эффект эмоционального заражения, благотворное влияние на все, особенно на воспитательную работу, яркие воспоминания, остающиеся в памяти выпускников на много лет — все это убеждает нас, что найдена верная форма...» (В. А. Караковский, «Грани воспитания»).

И как перенимают ребята коммунарскую методику? Прежде всего они начинают проводить сборы. В Карельской АССР и в Архангельской области сборы вот уже пятнадцать лет проводят почти во всех школах и на всех каникулах. Сбор как поход: всегда одно и то же, но маршруты разные, и потому походы не приедаются. Маршруты сбора — не на местности, а в труде, истории, политике, искусстве. Сбор — не поход, не урок, не вечер, не собрание, не мероприятие. Это дело, деятельность, **действие**. Обучение лучшей жизни погружением в лучшую жизнь.

Задача, таким образом, упрощается, она сводится к тому, чтобы жизнь на сборе действительно оказалась лучшей...

4. КАК ДЕЛАЮТ ДЕНЬ

Вот на каникулах 80—100 ребят разных возрастов выехали на сбор в пригородную школу, или переселились в Дом пионеров, или еще где-нибудь собрались — все равно где и все равно откуда и какие ребята. Важно, чтоб было хоть несколько маломальски опытных людей.

У ребят-коммунаров есть выражение «Сделать день», «Сделать сбор». Время от времени услышишь восхищенное: «Такой день сделали!» «Та-кой сбор!» День и сбор **делают** как вещь. Сделать день, сделать сбор — очень конкретная цель.

Как делают день?

День на сборе строится из множества отдельных «кадров», из множества творческих дел. В быстром темпе они сменяются с раннего утра до позднего вечера, поражая ребят разнообразием и богатством.

По традиции день сбора начинается с коллективной работы на заводе или в поле, с любой работы «для людей». Подробнее об этом ниже, но пока что отметим, что работа для людей — идейная зарядка, основа эмоционального сплочения на день, первое за день чувство удовлетворения, право на дальнейшие радости. Скажем, работа в поле (если сбор летний или осенний) — нехитрое дело, но, как и все другие дела, она каждый раз обставляется по-особому. Процедура такова: очень быстро, в минуты, создается **совет дела**, хитрейшее изобретение коммуны, я бы сказал — основа всей коммунарской методики, остроумное решение множества воспитательных проблем. По каждому поводу, перед каждой работой создается или сам собою возникает совет дела, который продумывает предсто-

ящую работу и затем руководит ею, отвечает за нее. Любая — без исключения! — работа коллективно обдумывается и коллективно организуется! На этом держится коммунарская методика. О педагогических выгодах такой организации мы опять-таки поговорим позже, а пока посмотрим: вот собралось несколько ребят, человек пять-шесть, и с ними кто-нибудь из старших. Старший особенно нужен поначалу, когда у ребят нет еще навыков коллективного изобретательства. Завтра надо выйти в поле копать морковь. Как это сделать лучше? Собраться да пойти? Можно. А можно сначала провести линейку с забавными рапортами о моркови, можно провести в поле конкурс на смешную морковку и устроить выставку редких экземпляров с шутивными двустишиями. Можно устроить небывалый «перекус» по отрядам и конкурс на лучший бутерброд. Лишь только начнут придумывать, только увидят, как это делается, увидят рождение идей на глазах — число выдумок начинает расти необычайно быстро, и уже на третьем-четвертом сборе советы дела не доставляют ребятам никаких затруднений. И сам механизм работы совета предельно упрощается: собрались, придумали, сделали.

Но представьте себе, что же выходит на практике, если каждая работа обряжается множеством «украшений»? Ведь все придуманное надо сделать: сочинить четверостишия для рапорта и разучить их, написать объявление о конкурсе, изобрести особый завтрак и так далее. Дел — уйма! Значит, работа на всех, и всю ее надо сделать, причем без напоминаний, ибо если напоминать по два раза, то среди этой круговерти половину задуманного не сделают. Все заняты! Все готовятся к работе в поле — пусть хоть несколько минут, пусть хоть рапорт хором учат, но готовятся, настраиваются на работу, как на праздник. Все отвечают за работу — в разной мере, но отвечают. Несут долю ответственности за общее. Мы привыкли считать, что без персональной ответственности ничего не получается. Но — терпение, читатель! Дальше станет понятно, каким образом и ответственность может быть коллективной.

Пока что согласимся: если работа так продумана и если все

ребята были ее организаторами, то кто же станет от нее отлынивать? Даже самый монотонный труд превращается в творческий, у всех подъем. И председатель Луховицкого райисполкома Московской области Владимир Петрович Михеев, увидев однажды, как работают коммунары из Ленинграда (они приехали на сбор под Луховицы), так заинтересовался коммуной, что поставил себе палатку и по вечерам, после работы, приезжал в лагерь:

— Вот, наконец, я увидел, что такое коммунистическое воспитание.

...Но это лишь начало дня, самое легкое — работа в поле, субботник на соседнем заводе, или «десант» — поход с работой. А там начинается обед — и он тоже особый, с сюрпризами, с неожиданным мороженым, с цветочками, которые не сами на стол прибегут. А потом до вечера непрерывная серия творческих дел, каждое из которых требует подготовки, изобретательности, способности к импровизации и, естественно, своего совета дела. Сложные мероприятия сменяются какой-нибудь «кольцовкой песен» или «концертом-молнией», «концертом-ромашкой», а там опять: защита времен года, защита профессии, защита фантастических проектов... Или суды: суд над песней, суд над литературным героем, суд над кинофильмом — странное действо с прокурорами, защитниками, свидетелями, судьями. Или «Разнобой» — летучее состязание отрядов в эрудиции. Или бой ораторов — каждый отряд выставляет своего оратора с речью, например: «Речь перед мамой с просьбой отпустить на сбор». Кто будет говорить убедительнее, кто лучше сумеет отвести доводы воображаемой мамы? Или устраивают всевозможные «дни»: день Маяковского, день Маршака, день Греции, день века, день шахмат, день спорта, день Швамбрании... В этот день все, начиная с зарядки, подчинено заданной теме — ребята проявляют чудеса изобретательности. День XIX века, например, начинается с «Бородинской битвы» и кончается серьезными рассказами о лучших людях века. А к вечеру проводят, например, час поэзии. Сидят на полу, на спортивных матах или скамеечках в спортзалах, тесной кучкой,

почти не глядя друг на друга. Посреди — фонарь или свеча. В абсолютной тишине кто-нибудь читает стихи — без объявления, без имени автора, тихонько, как будто для себя и про себя. Закончил — другой кто-то начинает, без репетиций, без организации. Кто не знает стихи наизусть, тот приготовил сборничек, подползает к свету, читает — и опять тихо... Никто не повернется на голос читающего, никто ничего не спросит, не заговорит громким голосом, не встанет. Когда напряжение слишком возрастает, кто-нибудь из взрослых берет гитару — начинают тихо петь. Час окончился. Следующая песня будет веселее, громче.

Я был на сборе в день Маршака. С утра развесили по лагерю забавные четверостишия, и, кажется, все в лагере говорили только стихами. А вечером у костра рассказывали о сонетах Шекспира, читали их по-английски, находили тонкие различия в переводах Маршака и других поэтов. Я видел, как мальчишка-шестиклассник, назначенный костровым, приготовился сломать о колено толстую сухую ветку — да так и замер в неудобной позе, с веткой у колена, потому что тишина стояла такая, что он боялся нарушить ее треском сучка — выжидал момент. У костра сидели в числе других и совсем маленькие ребята, они наверняка ничего не понимали ни по-английски, ни в русском переводе. Но они-то и слушали и смотрели во все глаза: они восхищались старшими ребятами, умными, серьезными, всезнающими. А творческим делам конца нет. Игра перемежается серьезным: проводят «Ленинскую страничку» — каждый отряд разбирает несколько абзацев из речи Ленина на III съезде комсомола, а потом эту же страничку обсуждают на общем сборе, выясняют непонятное, учатся читать Ленина, обдумывая смысл каждого слова. Или устраивают диспут о смысле жизни, о человеке будущего; «вечер горящих сердец», «разговор о жизни» — ответы на записки обо всем, что непонятно в современной жизни кому-то из ребят. В «Орленке» ходил по рукам список, озаглавленный «хаос форм», в нем было перечислено 140 разнообразных творческих дел. Но список этот растет с каждым годом и в каждом спутнике коммуны,

потому что любое дело проводится как впервые. Вот коммуна устроила в Ефимовском районе торжественную линейку в 4.30 утра 22 июня:

«Настала и двадцать вторая июньская ночь. В деревнях многие не расстилают постелей, не гасят света. Люди собираются в путь, иные за двадцать, за тридцать километров. А у нас горнист играет отбой. Это значит — все по палаткам. Сегодня приказ дежурного командира звучит по-особому, и никто не посмеет его нарушить.

При свете костра несколько человек довязывают огромные тяжелые венки, надписывают траурные ленты: «Памяти павших будьте достойны».

Многие не спят в палатках, но в лагере тишина. Мы, девочки, бредем по мокрой от росы траве и собираем гвоздику — алые огоньки в бледном сумраке ночи.

Не переставая тревожно кричат чибисы. Действительно, похоже: «Чи вы, чи вы?» Лес, тающая в тумане дорога, аромат цветов... Сейчас тишину разорвут сигналы горна: «Тревога, люди, тревога!»

Мерным шагом в траурном марше идут четыре спутника коммуны. Мы входим в деревню, и к нашей колонне молча пристраиваются люди. Идут на костылях инвалиды. На площадь, к обелиску. Его соорудили наши мальчишки.

Замер почетный караул, склонились знамена. Четыре грани у обелиска, четыре простые доски с именами погибших... Плачут женщины, плачут фронтовики. Молча глотают слезы ребята. Это война.

— Слушайте мирное утро...

Минута молчания. Рыдания затихают. Женщины стиснули зубы. Возлагаем венки и слышим голос дежурного командира:

— Добровольцы пойдут работать на поле. Шаг вперед, добровольцы!

Маршем молчания мы идем на поля. Добровольцы — все.

Над рекой стелется туман. Встает солнце. Мы пропалываем борозды. Час, второй, третий. Над полем тишина. Между бороздами застыли в карауле склоненные знамена...» (Таня Ремизо-

ва, из книги «Фрунзенская коммуна»).

Все творческие дела организованы так, чтобы не было зрителей, чтобы каждому пришлось непосредственно участвовать. Ребята на сборе, сколько бы их ни было, обязательно делятся на группы подобно тому, как считаются перед игрой в любом дворе. На практике команды, почти стихийно возникшие на первом сборе, сохраняются и на следующем, и навсегда, и на всю жизнь, потому что все в команде или в отряде быстро становятся друзьями. И с утра до вечера идет соревнование! Вот объявляют: концерт-ромашка! Вырезана из бумаги большая ромашка с несколькими лепестками, на обратной стороне лепестков написано: «Франция, Англия, Индия...» Каждый отряд отрывает по лепестку. Что вам досталось? Индия? Будьте добры через двадцать минут дать концертик из трех номеров на индийские темы... И представьте себе стеснительного или боящегося насмешек, скованного тысячью условностей мальчишку, который вдруг, впервые в жизни, в пятнадцать минут, наспех — и потому напропалую — сочиняет с друзьями какую-то «индийскую» песенку, мотает на голову тюрбан, натягивает немыслимые шаровары и выходит в этом шутовском наряде петь свою глуповатую песенку, и не боится, что его засмеют, а рад, если смеются, если доставил удовольствие. Мальчишка испытывает совершенно незнакомое ему чувство легкости и вседозволенности, он дурачится, но это не ставится ему в вину, как было всегда в его жизни, а наоборот, одобряется, потому что дурачество-то его — в пользу сбора, он ведь нескованностью своей «сбор делает», помогает создавать ту атмосферу легкости и свободы, которая поражает ребят.

Это, конечно, не художественная самодеятельность, это игра, шутовство, что-то вроде театрального капустника, не рассчитанного на зрителей. Со стороны это подчас выглядит ужасно! Но посмотрите, как дети играют в прятки или в салки — что за глупость! Что за нелепость! Сели бы лучше за книги! Да ведь дети не со стороны смотрят, дети играют, им хорошо, им нужно, им полезно играть. Поначалу в коммуне сильно грешат против вкуса, больше озорничают, чем придумывают и сочиняют, но

постепенно устанавливается уровень, ниже которого опуститься стыдно — он зависит от самых талантливых в коллективе. Коммунарская методика вовсе не только для интеллектуалов. Уровень творческих дел зависит от состава ребят, но важно, что подтягиваются под самых талантливых, важно, что все «формы» годятся даже для неразвитых ребят, важно, что уровень быстро повышается. То, что кажется нам доступным только особо развитым детям, «лицеистам» наших дней, то, на поверку, доступно всем.

На коммунарском сборе постоянно создают возможности для творческого развития детей, всем устройством он требует от ребят творчества. Не «элементы творчества» здесь, не «с творческим огоньком» работают ребята, а вся их деятельность есть творчество и только творчество. В каждую минуту коммунарского дня все без исключения ребята **вынуждены** думать о том, как сделать работу лучше, по-новому, самым изобретательным способом. Участвуют в «мозговых атаках». Никаких призывов к творчеству! Никаких разговоров о творчестве! Но те, кто впервые попадают на сбор, страшно устают (все пишут об этом в анкетах) от непривычного умственного напряжения. Постепенно оно становится привычным, и тогда вокруг удивляются: где же таких ребят набрали? И учитель, случайно попавший на сбор, говорит: «Конечно, с такими ребятами что хочешь сделаешь, а вы попробовали бы с моими...»

Мы знаем художественное творчество, научное, техническое. Но ведь есть еще один вид творчества, может быть, самый важный: общественное творчество. Есть ведь творческое отношение к жизни вообще, оно может проявиться в отношениях с людьми и даже в самой рутинной работе. Творческий человек по-особому, изобретательно, с воображением делает все: моет посуду, едет на работу, точит деталь и строит свою жизнь. Наконец, заметим, что проблема творческого отношения к жизни — это проблема качества работы. До тех пор, пока не возникает вопроса: «Как это сделать лучшим образом?» — высокого качества работы и привычного стремления к нему быть не может.

Заслуга Фрунзенской коммуны в том, что она решительно поставила общественное творчество детей на первое место, объявила его целью: «Все творчески, иначе — зачем?» И она нашла способы обучать детей общественному творчеству. Обучать на материале, доступном и интересном детям.

Отметим немаловажное обстоятельство: в отличие от научного, художественного и технического общественное творчество индивидуальным быть не может, и потому оно создает прекрасные отношения внутри коллектива. Коллективное творчество и коллективная организаторская деятельность немислимы без взаимодействия, взаимоуважения, взаимной поддержки, без общего подхватывания самого малого проблеска мысли и самого малого усилия. Коммуна не раздает должностей, не взваливает на ребенка непосильную организаторскую работу, не создает функционеров-активистов, не закликает «все, все, все участвуйте», а пропускает ребят через бурлящие советы дела, каждому дает **частичную ответственность** на короткое время и с немедленным результатом, так что не возникают даже и отношения руководства и подчинения. Тут отношения совместной ответственности. Постепенно все оказываются в организаторах, все знают, как взяться за общее дело, как сделать работу лучшим образом; даже самые малые организаторские способности развиваются на глазах. Коммуна не учит командовать, не учит подчиняться, она учит работать сообща. В результате вырастают самые послушные на свете ребята: предложи им дело — и они тут же подхватят его без разговоров и пререканий. Предложи им не дело, ерунду какую-нибудь — ну тогда держись. Они будут самыми непослушными. Они не ищут удовольствий, не требуют, чтобы все было по их интересам. Условие одно: чтобы было **дело!**

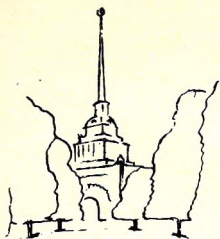
Как развивается человек? В испытаниях, которые устраивает жизнь и к которым он сам безотчетно стремится. Не случайно дети постоянно испытывают себя в играх, а порой — в опасных шалостях. Испытание — важнейшая потребность растущего человека. Потому что оно требует мобилизации всех наличных сил и еще некоторого сверхнапряжения в

«зоне ближайших возможностей». Так появляется какой-то «плюс», какая-то прибавка. Если нет испытания, то нет и этого сверхнапряжения, нет и прибавки, роста. Где нет испытания, там нет и воспитания, там застой, болото. Между тем многие ребята, малоподвижные по природе своей, уклоняются от многих испытаний или испытывают себя в очень узких сферах жизни — например, только физически. Сбор побуждает ребенка испытать себя физически, нравственно, интеллектуально, духовно. Соревнование, общий порыв заставляют ребенка постоянно напрягаться — а значит, и развиваться, тем более, что он не боится неуспеха: неудача никому не видна, ибо любая работа выполняется коллективно и как бы анонимно. И нет зависти, нет решительно никакой зависимости от взрослых или от кого-нибудь, нет даже и возможности сделать карьеру. В коммуне все стараются блеснуть талантами, недаром старшие кажутся младшим «богами». Лицо сбора, его уровень определяют самые талантливые. Но и менее способные вносят свой вклад, и никто не прекращает попыток «выиграть», ибо в коммуне соревнуются не за первое место (никаких «мест» и наград победителям!), а за то, кто больше радости доставит товарищам. А радость — вот она, она без всяких жюри видна. Думай обо всех, старайся, изо всех сил старайся «сделать день» и «сделать сбор»! Это беспроегрышное состязание и лежит в основе мягкого, гуманного воспитания, при котором нет пострадавших и покалеченных, никого не надо «ломать». Чувство собственного достоинства всегда сохраняется и укрепляется у ребенка, как бы он ни был слаб физически или творчески. Коммуна побуждает к росту, дает возможность проявить себя. Воспитание и самовоспитание сливаются абсолютно — оттого, в частности, воспитание так эффективно.

Мы говорим, что личность расцветает в коллективе. Это правда, но при условии, что коллектив творческий, как это бывает в научной лаборатории или в хорошей заводской бригаде. Для детского же коллектива это правило и вовсе непреложно. Детский коллектив — это коллектив, нацеленный на творчество, созданный для творческого труда и для обучения

детей творческому отношению к своей и общественной жизни. Только в творческом коллективе ребята вырастают, не приспособляясь к жизни, а преобразуя ее вокруг себя.

Не стану говорить о том, что значит творческое отношение к **любой** работе для будущей жизни детей, и не стану говорить, что значит воспитание такого рода в наши дни, когда и хозяйственный и жизненный уровень страны все больше зависят от творческого потенциала народа.

5. ТРИ МИНУТЫ НА ШУМ

Но вот день коммунарского сбора подходит к концу. Приближается кульминационный момент: «Огонек», счастливейшие для ребят минуты.

Я бы сказал про воспитателя, что он в той степени профессионал, в какой умеет проводить «Огонек». И берусь определить результаты воспитания по «Огоньку». Если где-нибудь царит дух коллектива, то здесь, на «Огоньке»...

Вечер. Ребята за день устали физически — они до пота работали, много двигались. Устали умственно — они узнали много нового за день, весь день что-то придумывали, решали всевозможные проблемы. Они устали эмоционально: от обилия впечатлений, от множества микроконфликтов, возникавших на каждом шагу. Они с утра — все и каждый! — несли ответственность за день, волновались, получится ли он. Они гордились, восхищались, бурно реагировали, утешали неудачников, помогали кому-то и сами принимали помощь. Теперь они идут на «Огонек» — неторопливо, не все вместе, по одному тянутся, садятся в общий круг так, чтобы видеть лицо товарища, это неписанный закон коммуны. Если сбор летний, то разложен маленький костер для света, две головешки, два сучка — и медлительный дежурный, который очень не любит, чтобы ему напоминали о костре: не погаснет, не беспокойтесь... Рассаживаются вольготно — кто в обнимку, а кто и уляжется, если есть удобное местечко. Никакого напряжения; тихо поют, пока все не соберется. О песнях не спорят, песню заводит гитарист, и если сбор продолжается хотя бы третий-четвертый день, то уже много общих песен, и даже те, кто поначалу никак не мог взять

в толк, зачем это петь вместе, теперь поют, как умеют.

Наконец, дежурный дает знак и начинается разбор дня, или, как говорят ученые, «коллективный самоанализ». Он и заканчивает длиннейший коммунарский день, пролетающий как одно мгновение. Что сегодня было хорошо? Что плохо? Кому было сегодня хорошо от нашей работы? Кто работал лучше всех? Кому было труднее всех? Кто помогал товарищам, кто должен был помочь, да не помог? Словом, как сделали день?

Прообраз «Огонька» — макареновский общий сбор, с той лишь разницей, что здесь упор делается не на проступки и происшествия, а на анализ дня. Говорят потихоньку, неспеша, бережно сохраняя чувство единения. Если ребята неопытные, не умеют говорить, ничего не увидели, не заметили и не могут оценить происходившее, то ведущий дает время «на шум»: соберитесь отрядом в кучку и предложите общую оценку.

...Больше всего люблю я коммуны за мелочи, за то, что все здесь продумано в интересах самого слабого, самого неопытного, самого пассивного: не дергать его, не взывать к его советам, не стыдить, не уговаривать «будь активнее», а дать ему возможность выразить себя. До чего просто — «три минуты на шум»... и ты человек! В отрядной тесной компании ты говоришь, не дожидаясь очереди, не стесняешься. Может, и не говоришь вовсе, а сначала только выкрикнешь что-то, или промочишь, или кивнешь головой, когда тебя спросят, а все же ты участвовал в общей оценке дня, думал. Пусть бедноват твой аналитический аппарат — ничего! В следующий раз будешь думать чуть отчетливее и говорить чуть бойчее. А главное, вот что случилось: пока днем составляли вопросы для разнобоя или читали докладки о великих людях XIX века, твое участие могло быть мизерно малым, не эрудит ты. Но вот оценка дня — и ты такой же, как все, у тебя такой же голос, и ты со всеми равный, ты можешь и превзойти других, потому что умение анализировать день ценится как высшее достоинство. Редко услышишь: «Ребята сегодня хорошо работали». Что ж такого? Конечно, работали, чему удивляться... Но вот восторг, вот о чем будут долго говорить: «Николай вчера такой анализ выдал!»

Думать над своей и коллективной работой — вот забота коммуны, вот ее задача: **научить** думать о работе, о товарищах, о жизни, о себе! И не вообще думать, а основательно, серьезно. Параллельно коллективному анализу идет самоанализ личный, это явно видно по анкетам: «Попала в круг людей отличнейших, поверила в моральное самовоспитание».

...«Огонек» продолжается. Говорят тихо и слушают внимательно: в коммуне все слышат всех. Устали, начали отвлекаться? Ведущий подаст знак, заводят песню, сначала тихую, потом повеселее, потом лихую шуточную, и кто-то обязательно выйдет в круг подурачиться, «драматизирует песню». И опять разговоры о дне и о жизни. Говорит один из старших, оценивает день по-своему, высказывает свои мысли, не обязательные для всех. Кто-то из ребят может не согласиться с ним, поспорить — что такого? Нет ажиотажа, перешептываний, переглядок, обид. Я много раз видел: вот мальчишку покритиковали, и он видит, что и весь «Огонек» согласен с этой критикой. Тяжело ему, наверно. Но буквально через минуту он участвует в общем разговоре и также открыто говорит о своих товарищах. Здесь персональных дел нет, нет виновных и правых, и потому никто не боится идти на «Огонек».

Трудное дело — «Огонек». В первые годы коммуны лишь Игорь Петрович Иванов умел вести его, да и то чуть ли не с полдня начинал готовиться, записывал вопросы, которые следует поставить перед ребятами. А сейчас дежурный командир, мальчишка-девятиклассник, управляет «Огоньком», зорко следит за темпом и настроением, вовремя пошутит, вовремя заведет песню. Если бы каждого студента педвуза научили проводить «Огонек»!

Как обычно бывает в общественной работе? Провели собрание? Провели. Пошли по домам. Ребята не обсудили, что было хорошо на собрании и что плохо, оценка работы принадлежит только взрослым, или она откладывается чуть ли не на год. Воспитательный эффект собрания — или любого другого мероприятия — резко снижается, он почти равен нулю. Чаще всего мы боимся вынести общую работу на общий суд потому,

что знаем: ребята могут и раскритиковать ее и таким образом косвенно покритикуют взрослого организатора работы. А если всю работу проводят сами ребята, воспитателю нечего бояться, он храбро идет на этот «суд». Во всяком человеческом деле мы сначала планируем работу, потом проводим ее, потом оцениваем. В общественных же делах получается так, что ребята и не планируют, и не обсуждают итогов — на их долю остается лишь роль исполнителей. Что же удивляться, если они теряют интерес.

Дисциплинирующее влияние «Огонька» огромно. Каждый вечер приходится выносить оценку общей работе, и, значит, ты должен весь день все видеть вокруг себя, все замечать, должен добиваться высших результатов в работе. Нет лучшего способа научить думать об окружающей жизни! Тебя не принуждают, не заставляют, не уговаривают, не наказывают и даже не поощряют (системы наказаний и поощрений в коммуне нет вообще). Но ты стремишься поддержать дисциплину, потому что только вчера на «Огоньке» ты сам требовал оценить день на тройку из-за того, что какой-то отряд сорвал творческое дело. Невидимый институт общественного мнения работает круглосуточно: собирает мнения и вырабатывает их. Он как губкой снимает расслабляющие мысли типа «А ладно, и так обойдется». Не обойдется! Всякая нетщательность будет отмечена, или, хуже того, замучит совесть. Разговариваю с четвероклассником на летнем сборе коммуны:

— Я очень изменился, — важно объявляет он.

— Ну да? В чем же это проявляется?

Долгое молчание.

— Сначала, когда приехали, то дежурные разложат хлеб перед обедом, а я побегу и стяну кусок... Перед обедом так есть хочется!

— Тебя ругали за это?

— Нет, никто не видал...

— Так что же?

— Ну сначала таскал, а потом нет. Стыдно стало.

Сколько воспитатель ни говори об отношениях, о коллекти-

ве — лишь немногие да и то не сразу, услышат его. В коммунарской методике каждой высокой цели соответствует цель конкретная, точная, совершенно определенная по результатам — ребята не могут работать без немедленного результата. Установить высокие отношения? Нет! Сделать сбор... И сразу появляется истинное самоуправление, которое невозможно в детском коллективе, пока нет практической цели и результата. Скажите ребятам: построим дом — самоуправление возникнет тут же. Скажите им общими словами, что надо бороться за дисциплину в школе — и вам придется годами и без толку разговаривать о самоуправлении, и в лучшем случае у вас возникнет орган самоуправления, от которого стоном стонать будут ребята.

В коммуне и ее спутниках самоуправление действует настолько четко, что, например, горловские коммунары самостоятельно организовали сбор на сто ребят. Только вечером, после работы, приезжал к ним «старший друг» Владимир Гамаюнов, работник горкома партии. Такой же сбор — без взрослых — провел под Одессой девятиклассник Сергей Лазарев. И еще был большой сбор в Братске, который организовали десятиклассники из Гродно, Архангельска и других городов: ездили в командировки, списывались, договаривались с начальством — огромнейшую работу провели!

Установка «сделать день», насыщенность дня работой, творческий процесс, коллективный самоанализ работы на «Огоньке», дисциплина и самоуправление — все это связано в узел. По отдельности ни одна из этих проблем не решается. Например, если бы коммунарский день не был до такой степени насыщен творческими делами, то на вечернем «Огоньке» не было бы достаточно материала для анализа: если ничего не происходит, то что анализировать? Ребята не научились бы думать о происходящем, не было бы самодисциплины. И наоборот, если бы не было самодисциплины, то ни одно творческое дело не удалось бы, ребята просто не смогли бы усидеть в совете дела. И не стали бы они сидеть и думать, если бы не чувствовали себя ответственными за день и за сбор, если бы не

было реального самоуправления. И не самоуправление, а только фикция его была бы, если бы не бесчисленные советы дела. За всеми этими зависимостями можно следить без конца...

Но ребята ничего этого не замечают. Их отношения к коммуне проще. На моих глазах на сбор привезли очень трудного мальчишку 15 лет, через три дня он уезжал: куда-то должен был торопиться по семейным обстоятельствам. Никак не хотел уходить, даже всплакнул. Я спросил, чего это он так?

— А тут ребята такие... — пробурчал он.

— Какие?

— Не ехидные...

Потом я узнал, что он в первый же день измочил трусы в реке и ждал, что над ним будут смеяться. Но первый же, кого он встретил, спросил: «Ты что? Трусы намочил? На́ мои».

И в анкетах пишу:

«Я впервые услышал, как поются песни по-настоящему. Решают все сами ребята. Дисциплина. Дружба. Я даже удивлялся, как совсем незнакомые друг с дружкой ребята веселились, работали, все делали вместе».

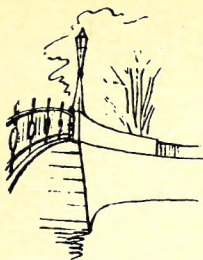
«В первый раз я встретила с коммуной на общем сборе. Сначала было страшновато, но недолго. В зале было много ребят, шумели, пели и было как-то легко. В отряде приняли за свою, и через пять минут казалось, что ты всех знаешь давно. Меня удивило, что взрослых совсем мало и что решают все сами ребята и говорят очень серьезно, с большой ответственностью».

«Мне очень понравились ребята. Когда можно — пошутят, когда надо — отчитают, всегда все объяснят, помогут».

«Лучшее, что было на сборе, — это дружба, большая и верная, которую каждый увезет с собой в сердце. Хотя мы вместе были всего лишь пять дней, кажется, что знаем друг друга уже очень и очень давно. После таких сборов убеждаешься больше и больше, что вокруг живут удивительно хорошие и интересные люди: и если с кем-нибудь случится несчастье, оно обязательно отступит, ведь вокруг столько настоящих и

замечательных друзей... А еще главным на сборе был коммунарский дух, присутствующий во всем! Правда, были и недостатки, и ошибки, но важно то, что к этому мы приходили сами, подробнее обсуждая прожитые часы и минуты».

«Такие сборы помогают понять то, к чему мы стремимся, все те «высокие слова» и «сияющие вершины», поверить в их реальность, в их простоту, силу и необходимость».

6. ДЛЯ КОГО?

Если остановиться лишь на творческих делах и огоньках, то, как бы они ни были интересны и полезны, они скоро превратятся в развлечение и наскучат ребятам. Раз — концерт-ромашка, два — суд над песней, а зачем?

Цель! У всей этой работы должна быть возвышенная цель, которая делает ненужным принуждение, побуждает к творчеству. Уже указывалось на многие причины, по которым ребята преображаются за каких-нибудь пять дней сбора, но самая мощная из сил — возвышенная цель.

«...Чем больше сознает воспитанник возвышенную цель труда, — писал В. А. Сухомлинский, — тем меньше он нуждается в контроле и тем ярче для него выступает в качестве побуждающего стимула его собственная совесть» («Духовный мир школьника». М., 1961, стр. 99). У. Бронфенбреннер, на книгу которого я уже ссылался, считает, что советское коллективное воспитание детей своими успехами во многом обязано возвышенным целям. «На наш взгляд, — пишет психолог, — именно использование подобного рода цели открывает самую многообещающую перспективу при разработке воспитательных и социальных программ».

В коммунарской методике педагогическая сила возвышенных целей используется исключительно полно, с самым высоким КПД. Что делает работу возвышенной? Сознание ее необходимости для людей и — главное — хотя бы малый элемент самоотверженности. Возвышаться — над кем? Над самим собой! Отрываться от сугубо личного, поступаться личным. Вот

чем опасна работа по самообслуживанию: если все воспитание строят только на ней, то слишком выпирает «само», обслуживание себя (даже если и не себя лично). Здесь нет возвышающей человека самоотверженности, здесь обращаются не к альтруистическим чувствам ребенка, а к эгоистическим: «Уберем класс, и нам будет хорошо». Скажите ребятам в пионерском лагере, что надо сделать спортплощадку, все окажутся в лентях. Скажите им, что в соседней деревне пожар, все будут в героях. Так герои они или лентяи?

В коммуне постоянно стараются найти работу для **кого-то**. Не «для чего» мы работаем, а именно «для кого» — так ставится вопрос. В основании цели — всегда человек, люди. Для кого мы работаем, кому от нашей работы легче, веселее? И обратный ход мысли: вот мы сегодня прожили день — кому от нас сегодня была польза? Не просто «что мы делали», а кому было от нас хорошо? Важная педагогическая тонкость! Потому что если есть или хотя бы предполагается человек, который обрадуется нашей работе, то вот она и награда. «Я узнала, — читаем в анкете, — что делать людям полезное, хоть немного, очень **приятно**. Жизнь становится полнее и радостнее, а люди от этого добреют и становятся лучше. Так живется веселее и проще». Сливаются в одну три цели: работа для людей, работа для коммуны и работа для себя («**моя** жизнь становится полнее и радостнее»). Эта тройная цель: для дальних людей, для близких, для себя, если она просматривается в каждом деле, необыкновенно возвышает человека. Но лишь только бледнеет одна сторона триады, кривая педагогической ценности труда резко падает или даже вовсе сходит на нет.

«Особая организация сбора, образ жизни, творчество — обо всем этом можно писать долго. Но основное в коммуне — это помощь людям, в колхозе у которых мы живем. Будь то колхоз, совхоз, завод, школа — везде мы ищем работу, чтобы поработать с людьми на равных, помочь чем можем. Отношение к труду в коммуне особенное. Каждый год мы на сборах работаем, каждый день на линейке говорится, что на работу пойдут добровольцы, и каждый раз в числе добровольцев оказываются

все. Не забуду, как впервые почувствовал пользу от того, что мы делаем. Это было в Ефимовском районе, в Ефимии. Мы уже прожили дней десять и каждый день работали в поле. А работать в поле, полоть свеклу, когда ее не видно из-за сорняков, «не очень-то приятно, не очень-то легко, не очень-то понятно и очень далеко» — грядки у нас действительно были длиннющие. Засуха была уже дней пять, и вот однажды ночью раздался сигнал тревоги, мы построились, и с нами стал говорить председатель колхоза. Он просил нас выйти ночью и дополоть оставшиеся десять га, так как свекла может погибнуть, и мы тут же пошли работать. Не удивляйтесь, что это ночью, Ефимовский район — Ленинградская область, а у нас в июне белые ночи. Работали мы здорово, часов до восьми утра, но успели все выполоть. Тогда-то я и понял, что все, что мы прополости, действительно нужно. И было очень приятно чувствовать себя полезным и нужным человеком.

Работаем мы не только на сборах. Но и в любое время года, когда хочется собраться всем вместе и поработать. Работать в коммуне очень приятно. Каждый старается сделать быстрее свое и помочь товарищу, мальчики и девочки дерутся из-за лопат и ломов. Мальчишки пытаются доказать, что лом — мужское орудие труда, девчонки — обратное. Работаем мы часто с песнями. В общем, работаем так, что сачковать никому не приходится» (из сочинений).

— Дух связан с самоотверженностью, и только так! Только! — говорит руководитель Фрунзенской коммуны Фаина Яковлевна Шапиро. — Помогите детям проявить самоотверженность, стать добровольцами — и дух ребят, и дух всего коллектива поднимается необыкновенно, и включаются многие другие побудительные мотивы, которые ничего не дали бы, если бы не было высокого духа:

Без принужденья коммуна живет,
Дело зовет — добровольцы, вперед!

Когда работа для людей и стремление к новым отношениям соединяются в одно, когда деятельность становится нравствен-

ностью, а нравственность — деятельностью, то можно выбирать и такие дела, которые требуют долгих усилий. Мы увидим дальше, как в одном из коммунарских коллективов ребята еженедельно ходят на молокозавод мыть бутылки — дело, не романтическое во всех отношениях. И тем не менее школьники принимают работу с радостью, любят походы на завод, потому что видят, как они сами изменяются в совместном труде. Труд на заводе и творческие дела не разделяются. День не делится на труд и отдых: день — это все время труд, с утра до вечера, и все время праздник.

«Огромный завод. Мы работаем на строительстве нового цеха. Девочки грузят на машины кирпичи. Мы ломками сбиваем застывший цемент. На каждый отколотый кусок уходит пятнадцать — двадцать минут.

Невыносимо жарко (больше 30), тяжело и... невыносимо весело. У рабочих давно перерыв; смотрят на нас кто с удивлением, кто с улыбкой, а мы без перерывов, только бегаем обливаться из шлангов. Солнце. Все мокрые. Поднимаешь лом, встаешь на носки — сейчас ударишь! И чувствуешь себя очень сильным, ну просто Геркулесом. Правда, после свершения десятка подвигов руки устали. На каждый кусок уходит теперь больше получаса. Часто меняемся. Бьем неверно. Ну хоть бы ветерочек. От девчонок доносится песня про вольный ветер.

— А ну-ка вдарим!

И еще час.

И еще.

Солнце. И весело».

Это — когда они все вместе. А если кто-то из воспитанных таким образом ребят окажется один, без коммуны?

«Я на Брянщине — на этюдах. Попросили помочь колхозу с торфом. Нарезанный торф мокрый и очень тяжелый. Перекур.

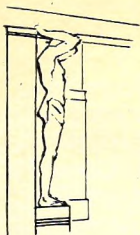
— Что вас в Ленинграде — работать учат?

— Учат».

Обе записи из книги «Фрунзенская коммуна», их сделал Володя Цивин, теперь он член Союза художников СССР.

Не все нынешние идеи воплотятся в жизнь. Но и через сто

лет, и через двести, и через пятьсот, и всегда детей будут воспитывать на добровольных возвышенных делах и в творчестве. Ничего лучшего человечество не изобретет, потому что ничто так не соответствует сущности человека, как высокий дух и творческое стремление.

7. СТАРШИЕ ДРУЗЬЯ

Постороннему человеку, если он попадет случайно на сбор, могут прийти в голову совсем иные объяснения. Он скажет, как и все говорят, что ларчик просто открывается, что все дело в старших друзьях, что каким-то чудом собрались вместе необыкновенные энтузиасты. Конечно, у таких все получится. Но много ли их?

И сколько ни объясняй метод — «Да, конечно... Но личность, знаете, личность! Личность в воспитании все».

Вечная проблема педагогики — метод и личность.

Все наше существо восстает против мысли, будто метод в воспитании хоть что-то значит, будто он может быть независим от личности. Характер воспитывается характером, убеждения — убеждением, любовь — любовью, и причем здесь метод?

Весь наш собственный опыт убеждает, что профессия воспитателя — это призвание. Одним дано, другим не дано...

Не станем спорить. Однако согласимся, что условия, в которых работает педагог, сильно влияют на его личность, и в одних случаях позволяют развернуться природным способностям педагога, а в других — глушат эти способности. Достоверно судить о том, есть ли у человека призвание к воспитанию или нет, мы можем лишь тогда, когда он попадет в оптимальные условия. А условия эти создает применяемый в воспитании метод. Личность, возможно, не зависит от метода. Но раскрытие и развитие личности воспитателя зависят от метода почти полностью.

Обычно спрашивают: какими способностями должен обла-

дать взрослый, чтобы овладеть коммунарской методикой и получить результат? Но поставим вопрос по-другому: что дает методика воспитателю?

Прежде всего, коммуна снимает с взрослого тоскливое чувство страха, которое знакомо каждому, кто хоть раз оставался один с тридцатью-сорока ребятами: никто в целом мире не в состоянии тебе помочь, успех работы полностью, на сто процентов зависит лишь от тебя, от твоих способностей, и ты с горечью замечаешь, что этих способностей не хватает. Ты не можешь справиться с ребятами или справляешься с трудом, огромным напряжением сил.

В коммуналке же взрослый не одинок. Человеческая ответственность, лежащая на нем, очень велика, но она не давит, потому что состояние его ребят и успех его работы точно на те же сто процентов зависят от общего духа, установившегося на сборе. Взрослый — добровольный помощник ребят в их трудной работе «сделать день, сделать сбор», и ребята эту помощь с благодарностью принимают. А если старший в чем-то слаб, или если его даже и совсем не будет — то и не страшно. Ребята, мы видели, могут проводить сборы и вовсе без взрослых — только уровень работы будет гораздо ниже и запас идей, необходимых для творческой жизни, быстро иссякнет. Ребята это прекрасно понимают, не случайно вернувшиеся из «Орленка» комсомольцы первым делом сами искали — и почти всегда находили — старших друзей. Конечно, нетворческому по своему духу человеку трудно работать в коммуналке; но таких людей на практике почти не находится. Механизм коллективного творчества увлекает и развивает всех, и даже у взрослых открываются способности, о которых они не подозревали. Высокая ответственность перед детьми, но без страха не справиться с работой, без страха перед детьми, полностью раскрепощает взрослого.

Он чувствует себя на сборе необыкновенно свободным — он и воспитатель, он как бы и воспитанник, он на равных правах со всеми — равно ответствен. Он даже не бывает весь день со своим отрядом: старшие друзья в своем особом отряде, кото-

рый, как и другие отряды, выходит на линейку, на зарядку, участвует в творческих делах. И так же, как дети, взрослые стараются победить в состязаниях и радуются, если им это изредка удается. Взрослый не нависает над детьми, не давит на них своим присутствием, он с детьми тогда, когда он нужен детям и дети нужны ему.

Добавим, что коммуна дает взрослому чувство равенства с детьми, поразительное, ошеломляющее чувство, знакомое лишь очень немногим людям. Даже с собственными детьми, как бы они ни были близки с нами, мы всегда чувствуем себя старшими. В коммуналке бывают часы, когда ощущение возраста пропадает совершенно, и взрослый действительно видит себя равным ребенку, а ребенка видит равным себе. Нетрудно понять, отчего так.

Когда учитель математики дает ребятам задачу, сам-то он знает ее ответ. Учитель и ученик перед задачей не равны. Только лучшие учителя в математических классах могут позволить себе роскошь вместе с учениками на равных решать нерешенные ими задачи. В коммуналке эта педагогическая роскошь — норма. Когда взрослый и дети в совете дела вместе придумывают выступление для «боя ораторов» или разрабатывают «День Гайдара», они равны перед задачей, они одинаково не знают решения ее и одинаково нуждаются в сотрудничестве: дети без взрослого и взрослый без детей решат задачу хуже, чем вместе. Отношения равенства и общей ответственности возникают естественно, это искренние отношения: взрослый не играет роль «демократичного» воспитателя, не прикидывается добрым из педагогических соображений и не боится думать и предлагать, не повторяет: «Сами, сами, ну-ка сами, ребята». Нет, он старается изо всех сил — дело-то надо сделать! Нет ничего более полезного для ребенка, чем видеть рядом с собой думающего взрослого, и нет другого способа научить ребенка думать, кроме одного: думать вместе с ним. И нет ничего более полезного для воспитателя, чем работа вместе с ребенком. Взрослый забывает, что он воспитывает. Он вовсе не воспитывает, он «делает день»! Он увлекается — и тут-то человек и

становится истинным воспитателем. Теперь он и вне дела может говорить с ребенком как равный. Освобожденные от многих забот, не обремененные необходимостью поддерживать дисциплину (и значит, ссориться с ребятами из-за мелочей), свободные от всяких страхов, взрослые получают время и силы для задушевных разговоров то с одним, то с другим подростком. Разговаривают неторопливо, часами действительно как равные, потому что это не проработка, не лавина укоров, не разбор проступков, а важный для ребенка и интересный для взрослого разговор о жизни. Не удивительно, что в коммуне взрослые быстро отвыкают командовать детьми. Как можно командовать, если твоя цель — развитие творческой активности? Ну раз крикнешь, ну другой раз одернешь на совете дела или на «Огоньке» — все замолчат, работа будет не сделана. Взрослому приходится сдерживать себя не из педагогических, а из чисто деловых, практических соображений. Конечно, в коммуне и ругают детей, и злятся на них, и кричат — живые люди! Но тут же, как правило, возникает конфликт, и, пока он не разрешится, дело не пойдет.

В этих конфликтах, в творческих делах, во всей жизни сбора взрослый получает чисто профессиональные воспитательские навыки, к нему приходит мастерство. Человек любой профессии умеет делать нечто такое, чего другие люди, непрофессионалы, делать на достаточно высоком уровне не умеют. Только воспитатель вроде бы никакими особыми умениями не обладает. В коммуне же взрослые обучаются проводить сбор, «Огонек», творческие дела, быстро перенимают приемы и способы незаметного влияния на детей, постигают искусство эффективного воспитания и, главное, воочию видят результат своего труда: «сделали сбор»!

Я много раз наблюдал, как люди, не собиравшиеся идти к детям, случайно попадают на коммунарский сбор — и остаются с коммунарками навсегда. Они впервые обнаруживают, что дети — не орава, с которой никак не справишься, а верные и чистые друзья: и услышат тебя, и расспросят, и в глаза хорошо посмотрят, и бросятся помочь, если нужно. Взрослые, попадая

в коммуны, испытывают такое же чувство духовного обновления, что и ребята, они молодеют. Учитель, привыкший командовать детьми, покрикивать, делать замечания на каждом шагу — словом, «воспитывать», успокаивается в коммуне. У него и голос другой становится, и глаза загораются.

А со стороны кажется — какие удивительные люди собрались вместе!.. Конечно, им все под силу, но много ли их?

Да ведь и детей, участников коммунарских сборов, взрослые удивляют: не слишком часто встречали они людей, которые разговаривают с тобой, как с равным, не дергают, предельно искренни, никогда не притворяются, говорят только правду и не навязываются, стараются держаться в тени. Взрослые удивляют детей своим отсутствием! Их очень любят, старших друзей, к ним приходят, с ними переписываются, но, например, в анкетах после сборов имена взрослых почти не встречаются. Пишут про ребят: «Когда я была меньше, старшие коммунары казались мне высшими существами, особенно по сравнению со взрослыми ребятами во дворе и в школе. Магун, Лосенков, Шенс, Тамара Галкова, Цивин, Прутт поражали меня своим умом, цельностью, юмором». «В «Орленке» я узнал, какие есть люди...» «Я убедилась, что есть очень много хороших ребят и девчат». «По-настоящему увидели, как живут настоящие люди» — таких записей в анкетах десятки и десятки. Здесь важно множественное число: «ребята», «люди», «высшие существа». Никто и никогда не говорит об одном каком-нибудь человеке — именно обо всех или о многих. Несколько лет назад в Подмосковье собралось человек двести молодых людей, когда-то побывавших в «Орленке». У микрофона, установленного посреди зала, выстроилась длинная очередь желающих выступить. Говорили коротко, говорили совершенно одно и то же, но все-таки каждый хотел и сам сказать: «Орленок» перевернул мою жизнь». Именно «Орленок», а не тот или иной вожатый «Орленка».

Так коммуна снимает со взрослого еще одно, самое тяжелое бремя: чтобы добиться результата, ему не обязательно быть идеалом. Есть кружки, работающие по 30 лет, и спортсек-

ции с красивыми традициями, и прекрасные школьные классы, которые собираются у своего учителя чуть ли не полвека. Но все такие коллективы складываются вокруг одного учителя, воспитателя, тренера, режиссера, ученого. Они принципиально неповторимы в соседнем классе, кружке или клубе.

Коммунарская же методика — в этом ее преимущество — рассчитана на обыкновенных людей, которым нет необходимости нести трудную службу ребячьего идеала. Им не нужно быть лучше, чем они есть: каждый отдает коммуне то, чем обладает, не больше. На практике всегда происходит некоторое разделение труда: одни взрослые — выдумщики, другие — организаторы, третьи — собеседники детям. Каждый делает, что может, и все вместе побеждают.

Когда мы говорим о личности и методе в педагогике, мы порой путаем трудность метода и трудность новаторства. Метод представляется нам трудным не потому, что он труден, а потому, что применение его — пока что новаторство и требует усилий и борьбы, сопряженных со всяким новаторством. Но ведь не всегда метод будет новаторским. Станет и он нормальным, естественным, даже рутинным. Вот уже сегодня приезжает человек на работу в «Орленок», а там все воспитывают по коммунарской методике, и ничего особенного тут нет, никакого новаторства, уже забыли, как методика в «Орленок» попала. И человек начинает работать, как все: проводит огоньки, говорит с ребятами о смысле жизни, старается пробудить творческую активность, ставит возвышенные цели — стремится получить результат. Обычное дело! Традиция!

Будет и коммунарская методика традицией. Потому что ребята, воспитанные коммуной, в той или иной степени сами несут ее идеи в жизнь.

Об учителе химии можно достоверно судить по тому, какое количество его учеников становится химиками. Об учителе физики — по его ученикам-физикам. Пожалуй, это самый надежный из всех имеющихся критериев. Но как оценить воспитателя? Как измерить достоинства его работы?

Вырастая, комсомольцы, воспитанные коммуной, идут, как

и все, работать на предприятия, служить в Советской Армии, учиться. В свое время «Комсомольская правда» опубликовала письмо мальчишки из «Орленка», который, окончив школу, пошел работать на завод. Однажды случилась авария: струей бил горячий состав, в котором был большой процент серной кислоты.

«Первыми пришли в себя я и Павлик. Без фартуков, противогазов, перчаток мы бросились к емкости, и он закрыл вентиль с реактора на емкость, а я открыл другой — на материальную линию. Удивительно, что ни Пашке, ни мне гидролизат не попал на руки. Ему попало на лоб и нос, мне же пришлось хуже... Но я держу хвост пистолетом. Сейчас выгляжу как пятнистый олень».

Письмо было написано девушке, она переслала его в «Комсомолку». На страницах газеты возникла дискуссия: стоило ли рисковать собой?

Но сейчас о другом. Ребят растит вся наша жизнь. Коммуна лишь концентрирует, фокусирует то лучшее, что есть в окружающей действительности.

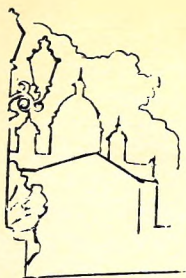
Однако при самом широком разбросе профессий и судеб, более половины ребят из коммуны выбирают работу, связанную с воспитанием людей: они становятся учителями, пионервожатыми, комсомольскими работниками, психологами, психиатрами, научными работниками в области теории воспитания. И если врачом, то детским! Автором интересных книг о подростках стал А. Мудрик, один из руководителей «Алого паруса»; психологами стали ленинградские коммунары В. Лосенков и В. Магун, московский коммунары А. Зубаткин; редактором литературы для детей стал Н. Крышук; Айк Котанджян, чье письмо из Ленинанкана мы читали, стал первым секретарем ЦК ЛКСМ Армении; несколько человек из клуба «Алый парус» работают в области теории воспитания.

В 1961 году архангельский инженер Владимир Сотрудинов попал в Ленинград и познакомился с Фрунзенской коммуной. Вернувшись в свой город, он создал при городском комитете комсомола штаб школьников. Прошло семнадцать лет. Вот что

писал в «Комсомольской правде» корреспондент А. Морозов в апреле 1978 года:

«Штаб существует для города. В первую очередь для его школ. Каждые каникулы проводили сборы комсомольского актива. А летом — копачевский двадцатидневный сбор... Поток творческих дел — диспутов, концертов, импровизированных инсценировок, всевозможных вечеров, все это — после работы. А работа отнюдь не легкая: за лагерную смену они вырубали по 900 кубометров известняка. Две трети зданий в поселке Копачево построено из этого камня.

Среди других тематических дней на сборе был день Истории коммунарских сборов, и на него со всей страны съезжались «старики». Люди уже взрослые, семейные, почтенные, но один день они жили по законам коммуны — ставили свои спектакли и преодолевали различные препятствия в конкурсе рыцарей... Две трети бывших штабистов стали профессиональными организаторами: педагогами и комсомольскими работниками».

8. ИСТИННЫЙ И ПОДЛИННЫЙ?

«Как это было здорово — за четыре дня 100 совершенно новых людей стали близкими, всего за четыре дня... Перед отъездом со сбора я говорила почти со всеми новенькими: они уехали такие же, как мы из «Орленка», это точно» (из письма киевлянки Любы Тверской).

Что это за воспитание такое, которое измеряется не годами, и не месяцами, а днями?

Напомню читателю: пока что мы рассматриваем только коммунарский сбор как модель, по которой ребята учатся лучшей жизни. Теперь, очевидно, стало яснее, как эта лучшая жизнь создается, как это вообще возможно: быстро создать почти идеальную жизнь в далеко не идеальном коллективе.

Окинем это красивое здание общим взглядом, выпишем в ряд:

юношески-романтическая идея помощи людям постоянно воплощается в работе для дальних друзей, для коллектива и для себя, возвышает дух ребят, делает их нужными, взрослыми, ответственными людьми;

реальный идеал — в действительности созданные однажды, пусть и на короткий срок, коллективистские отношения — служит образом-целью, который объединяет всех и во много раз ускоряет развитие коллектива;

принцип «Все творчески, иначе зачем» обеспечивает

равенство, быстрое развитие детей и высокое качество любой работы, объединяет идею, идеал и будничныи труд;

коллективный самоанализ побуждает к самовоспитанию, образует множественные обратные связи в коллективе и дисциплинирует ребят;

свободно работающие старшие друзья развивают и поддерживают творческую активность ребят.

Идея, идеал, творчество, анализ, старшие друзья... И параллельный организационный ряд: сбор, творческие дела, советы дела, огоньки.

Никаких понуждений, деклараций, каждая из побудительных сил поддерживается всеми остальными. Стоит вынуть один камень, как вся постройка рухнет: ничего не получится без возвышенной цели, или без реального идеала, или без творчества, или без анализа, или без старших друзей. И ничего не получится без сбора, без творческих дел, без советов дела и без огоньков или чего-нибудь, что их заменяет.

Интересно заметить, что при таком воспитании, если оно продолжается достаточно долго, многие традиционные проблемы педагогики снимаются сами собой.

Снимается проблема хулиганства, пьянства, воровства, агрессивности, грубости, порчи имущества, аморального поведения — ничего этого просто нет. Нет таких проблем.

Снимается проблема юношеского пустого скептицизма и критиканства, неуважительного отношения к взрослым — снимается без специальных разговоров и мероприятий.

Снимается проблема «вещизма», «потребительства», исчезает психология исполнительства — «что велют, то сделаю».

Скажут: но ведь в коммуне не было трудных. Не было, хотя, как уже говорилось, коммунарская методика с успехом применяется в Красноборской школе — там тоже сняты многие и многие сложные проблемы. Но вообще-то говоря, если мы научимся хорошо работать с обычными детьми, в обычных условиях, то и трудных будет куда меньше...

Что же, беспроблемная жизнь в коммуне? Отнюдь нет!

Здесь резко обостряются проблемы смысла жизни, понима-

ния себя и людей, самовоспитания, учения, поиска полезной деятельности, поиска своего места в жизни, культуры поведения и общения, проблемы способности и неспособности, уверенности в себе и неуверенности. Нормальные, истинно человеческие проблемы, которых никто не может избежать и, главное, не должен избегать.

Если внимательнее присмотреться к отдаленным результатам работы коммуны, встретиться с нынешними тридцати-тридцатипятилетними воспитанниками Фрунзенской коммуны, то можно отметить любопытное явление: далеко не все воспитанники коммуны «борцы», воспитание не отменяет психологических различий; однако общественные черты характера, стремление помочь людям, делать всякую работу творчески и на высоком уровне, доброжелательность и готовность к добровольному участию в тяжелой работе, бескорыстие — все эти черты личности, которые, как обычно считают, воспитать очень трудно, — все сохраняются безусловно и надолго (не имею пока оснований говорить, что навсегда). Но если взять умение справляться со своей личной жизнью, добиваться личного успеха, то здесь мы стопроцентных достижений не увидим. Что же? Коммуна не растит этаких преуспевающих молодцов, которым жизненное море по колено. Нет, она растит людей обычной человеческой судьбы, сложной духовной жизни. Коммуна не конвейер, выпускающий продукцию с гарантией. Воспитанникам коммуны свойственны, как и всем людям, сомнения, разочарования, духовный поиск, жизненные неудачи. И не потому, что они «идеалисты», а потому, что они духовно богатые люди и многого хотят от жизни — коммуна в каждом развивает желание жить красиво.

Впрочем, им и легче жить красиво: у каждого из тридцатилетних по-прежнему 100—150 друзей. Прибегут, помогут, спросят, на день рождения соберутся. С этими людьми может случиться все, что может случиться с людьми, но они с детства не знали, сейчас не знают и, я думаю, никогда не узнают одиночества. У каждого свои семьи и свои заботы (многие воспитанники и воспитанницы коммуны переженились между собой, сей-

час у коммуны около сотни своих детишек), но живо коммунарское братство.

Среди них нет идеальных людей, но более важно, что среди них нет и не может быть обывателей.

С главным своим делом — воспитанием советского гражданина, творчески активного, развитого, духовно богатого, идейного человека, верящего в людей, в жизнь, в свою способность улучшить ее, — коммунарская методика справляется отлично. Коммуна растит не добродетельных, а добродетельных. Если бы попросили кратко сформулировать, что хочет видеть в человеке коммуна, я бы ответил: «Как можно больше уверенности в себе, как можно больше любви к людям».

Коммуна опирается на самое высокое в человеке — и всегда выигрывает. Высокое воспитание, каким бы оно ни казалось непрактичным, на самом деле самое практичное, мощное, эффективное воспитание.

В последние годы идет очень широкий поиск передовых методов воспитания. Мы знаем о новых важных начинаниях комсомола, об энтузиастах-создателях подростковых клубов, о том, как совершенствуется вся воспитательная работа с детьми и подростками. Коммунарская методика лежит в русле этого общего поиска и привлекает внимание педагогов как одна из плодотворных форм комсомольской и пионерской работы. Как бы ни различались между собой и сами воспитатели, и методы их, неизменной для советского воспитания остается важнейшее и общее: это воспитание в коллективе и через коллектив. В научной литературе перед словом «коллектив» принято ставить осторожное уточнение: «истинный» или «подлинный». Ну, например, так пишут: «Мы — за активное создание в коллективе детей и подростков новых, **подлинно** коллективистских отношений...» Или так: «Мы будем считать деятельность **истинно** коллективной, если...»

Выберем из многих определений истинного коллектива, быть может, не самое легкое для понимания, но, пожалуй, наиболее строгое и авторитетное определение из коллективного труда института психологии АН СССР «Психологические

проблемы социальной регуляции поведения» (М., 1976, с. 248).

«Мы будем называть деятельность истинно коллективной, если для индивида:

1. предметом деятельности является объективно общественно заданный предмет;

2. данный предмет является истинным осознанным мотивом деятельности и благодаря своей осознанности он превращается в мотив-цель;

3. стремление к достижению согласия является мотивом, обусловленным основной целью деятельности;

4. деятельность и осуществляющие ее действия имеют высокую нравственную детерминацию.

Всякая иная совместная деятельность, для которой не выполняются все эти четыре условия, не может быть названа коллективной».

Предоставляю читателю самому — на основании изложенного выше — решить, насколько жизнь ребят в коммуне отвечает всем условиям этого определения.

9. ШКОЛА У ВИТЕБСКОГО

Иногда кажется, будто кто-то невидимый проверяет коммунарскую методiku с придирчивостью и научной дотошностью. Словно нарочно ее испытывают самыми большими перегрузками, которые сознательно, в чисто научных целях допустить было бы нельзя.

Вырастили хороших ребят? Что ж, проверим... Посмотрим, как они будут действовать не вместе и не со своими старшими друзьями, а по одиночке, в массе школьников. Как поведут себя коммунары в спутниках, в соотношении 1:10, 1:20, 1:50?

Победа всегда оставалась за коммунарами, и уж во всяком случае не было ни одного случая — ни одного! — чтобы мальчишка из коммуны поддался общей разболтанности, уступил бы в принципах, совершил хоть что-то мало-мальски предосудительное.

Что ж, говорит невидимый экспериментатор, все-таки это у себя, в Ленинграде, и притом с младшими ребятами, с пионерами... А если забросить горсточку коммунаров за тридевять земель от дома, да поместить их среди сверстников, которые и слыхом не слыхали о коммуне — сумеют победить? Операция «Орленок»... Мы видели, чем она закончилась: весь «Орленок», пятьсот человек, стал работать по новой методике, и вот уже пятнадцать лет работает.

Ладно, продолжает экспериментатор, попробуем испытать вас по-другому. Известно, что самые сильные, на весь мир прославленные педагогические учреждения хирели, распались, теряли свою славу, когда по какой-либо причине уходил их организатор. Ну, а коммуна? Выдержит ли она такое жесточайшее испытание?

В 1962 году, всего через три года после образования Фрун-

женской коммуны, по разным житейским обстоятельствам из трех организаторов нового дела уходят два. Остается на месте только методист Дома пионеров Ф. Я. Шапиро. Что теперь будет с коммуной?

А ничего не случилось. Был короткий период волнений и обсуждений, но продолжали нормально работать, и именно в следующие восемь лет коммуна расцвела, у нее появились спутники, провели трудные сборы под Полтавой, в Ульяновске, под Москвой. Именно в это время о коммуне стали много писать, снимать ее для кино (документальный фильм «Подростки»), в издательстве «Детская литература» дважды вышла книга «Фрунзенская коммуна» — «Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими». Еще и славой испытание пришлось выдержать коммунарам, но ни разу и ни от кого не пришлось даже и услышать жалобы на то, что ребята зазнались, что теперь они «не те». Единственное было затруднение: вырастая, ребята не уходили из коммуны. А как воспитывать вместе четырнадцатилетних и девятнадцатилетних?

Но и на этом испытание методики не кончилось! Невидимый наш оппонент говорит: что ж, признаем коммуны педагогической удачей И. П. Иванова и его сотрудников. А если бы ему пришлось вновь создавать ее, и притом сначала, совсем в других условиях? Что тогда?

И это было. И вот в педагогическом институте им. Герцена, профессором которого стал И. П. Иванов, возникла и уже пятнадцать лет работает Коммуна имени Макаренко. В нее входят студенты — будущие учителя, они на студенческой скамье учатся коллективному творческому воспитанию. Оказалось, что методика почти без изменений годна и для студентов... А студенты стали применять ее в начальных классах школы, с первоклассниками и второклассниками! Изданы книги о находках и достижениях коммуны. Сотни педагогов школ, выпускников коммуны, «десантников» учительствуют во многих городах и селах, и ежегодно проводятся слеты воспитателей, работающих по методике коммуны.

Выпускников герценовского пединститута спрашивали:

- Чему вы научились в коммуне?
- Смотреть на педагогику как на борьбу.
- Что из кимовского багажа используете?
- Самую суть: методику коллективного творчества.

И. П. Иванов так определяет основу, стержень всей деятельности Коммуны им. Макаренко: «Идея необходимости и неисчерпаемости воспитательных возможностей творческого содружества старших и младших поколений в общей — многообразной! — заботе о непрерывном улучшении жизни своей и окружающей» (рукописный рассказ-эстафета о коммуне).

Итак — пионерский лагерь, коммуна школьников, коммуна студентов, дворовый клуб (московский форпост института им. Ленина). А школа?

Хотя во Фрунзенскую коммуну, например, брали всех, кто придет, но ведь и приходили-то не все... И в Коммуне им. Макаренко не все студенты подряд, лишь некоторые... А что, если методика эта и годится только для особых людей с общественной жилкой? Правда, есть опыт челябинской первой школы, но и там особая группа коммунаров. Коммуна в школе. А если без коммуны, без отбора, просто — в комсомольской и пионерской организации? В школе, с ее будничными хлопотами, где все свои — трудные, легкие, коллективисты, индивидуалисты. Никто никуда не уйдет, никого не исключишь — всех воспитывай! И не сто их, не двести — полторы тысячи человек.

Делали день, делали сбор, делали коммуны. Сделать школу? Вот испытание так испытание...

Но если не пройти через него — пропали все труды, останется недоказанным главное, и вся деятельность коммуны, все бешеные усилия сотен людей будут иметь скорее теоретическое, чем практическое значение. Пока нет хотя бы одного примера работы в школе, пока нет хотя бы одной «своей» школы — все это разговоры, все неубедительно. Любой педагог скажет: «Да, интересно... Полезно... Красиво... Но у меня же не коммуна... У меня — класс... Школа... Я, знаете ли, уроки на дом задаю и двойки ставлю — вы слышали про уроки и двойки, дорогие мои энтузиасты?»

Фрунзенская коммуна перестала существовать — ее роль была сыграна до конца. 20 августа 1972 года три воспитателя из коммуны пришли в старую, довоенную школу возле Витебского вокзала, обосновались в пионерской комнате на первом этаже. Вскоре всех троих стали объединять словом «пионерская». Сбоку, за крошечным столиком, Фаина Яковлевна Шапиро. Она знает про всех детей решительно все, и я видел второклассниц, которые считали Фаину Яковлевну своей личной подругой. Оратор, организатор, боец, дипломат — но не от воли у нее эти качества, не от собственного характера, мягкого, уступчивого, женственного, а от благородной веры в свое дело и от глубокой, скромной преданности детям, товарищам по работе и друзьям, а друзей у нее пол-Ленинграда. Не от воли, а от духа — понятна ли будет разница? От духовности же идет и это плодотворное для педагога стремление не быть на виду, принижать свои способности и свою работу, говорить больше о неудавшемся и несделанном, отчего вокруг нее волнами расходится беспокойство. Фаина Яковлевна — дух пионерской и ее нерв, ее броневая защита и идейный центр. Да она и старшая здесь, она участник Отечественной войны.

А рядом — Елена Ивановна Махняева, «Лена-большая», историк. Есть в ней что-то значительное, перед чем все смиряются, хотя сама Лена неотличима в толпе невест-десятиклассниц. Разговаривать с ней огромное удовольствие: у нее абсолютный педагогический слух и упрямая неуступчивость перед формализмом, банальностью и пошлостью. Ей не нужно спрашивать ребят, как примут они то или другое дело, она знает их реакцию заранее и безошибочно. Если нужно вымыть полы или посуду после гостей, то это Лена-большая. Если надо кому-то из троих раньше всех с утра приехать в школу — это Лена-большая. И если надо придумать новое творческое дело, в неторопливых разговорах с ребятами подготовить его, то это опять — она. Лена-большая — творческий центр пионерской комнаты.

И наконец, географ Елена Борисовна Шалыгина, Лена-маленькая, Леночка — ее прежде и среди семиклассниц, бывало, не сразу заметишь. Работала в соседней школе старшей

вожатой, была на первой роли и на лучшем счету в районе, и бескорыстно и радостно заняла место подручной, человека на подхвате: с одного слова послушно подменит Фаину Яковлевну или Лену-большую, нарисует плакат во всю стену, сбегает с поручением, часами будет шептаться с пятиклашками и организует сложнейшую и громоздкую игру для всей пионерской дружины. И все одинаково легко, без видимых усилий, только улыбнется: «Будет сделано!» Леночка — центр надежности пионерской комнаты.

Фаина Яковлевна отвечает за дело перед миром, Лена-большая — перед совестью своей, а Леночка-маленькая, кажется, и вовсе не отвечает, а просто делает все что нужно и лучшим образом.

И у всех троих точное знание, чего они хотят, один реальный идеал. Фаину Яковлевну преобразила коммуна, а обе Лены воспитывались там с пятого-шестого класса. Они, можно сказать, и не видели другого воспитания, кроме коммунарского. Представление о человеке и человеческих отношениях все трое не вычитали, а получили в жизни: в жизни они видели то, о чем и в фантастических романах не прочитаешь. Они были педагогическими баловнями: вот уже много лет они работали с ребятами, готовыми отозваться на каждое их слово, единомышленниками, выдумщиками, общественниками.

Уже писал и здесь готов повторить: никаким образом не хочу принизить работу педагогов школы, среди них много просто замечательных людей. Было в школе и научное общество, и был когда-то свой театр, и все положенные мероприятия проводились регулярно. И не на плохом счету была школа!

Но первый же старшеклассник, к которому обратились с незначительной просьбой, ответил грубой руганью. И в первом же походе, когда пришли на привал и надо было ставить палатки, ребят не оказалось — разбежались. Когда же их нашли, то двое не стояли на ногах, да и остальные были пьяны: на двадцать «детских» рюкзаков обнаружилось двенадцать бутылок вина, и дети были очень удивлены тем, что старшие не взяли с собой выпивки — как же они в поход собрались? На

чужой счет?

Я был на вечере в первый месяц после начала работы пионерской: старшекласники отказывались даже танцевать, пока... не погасят свет. Я упросил, чтобы свет погасили, мне было интересно, что же произойдет. Погасили, осталась маленькая лампочка на сцене — в полумраке несколько пар тоскливо извивались, не слушая музыки.

«Первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга», — писал Макаренко Горькому. Но и не в коммуне, и не для беспризорных первые годы — каторга! Трое воспитателей сознательно выбрали ее, но даже и они не знали, с какими трудностями им придется столкнуться, когда начнут работать в обычной школе. Им казалось, что стоит рассказать ребятам и учителям о прекрасной жизни, как все пойдут за ними, — ведь это очевидно! Они говорили часами на собраниях и педсоветах, в классах и в пионерской, но их никто не слышал. Слушали — но не слышали. Никто не понимал, о чем они толкуют. Разве у них в школе что-нибудь не в порядке? Разве у них хуже, чем у других? И чего, собственно, они добиваются? Что им надо? Какие там еще отношения? Какая работа? «Вы что — мир собираетесь перевернуть?» — поинтересовался один десятиклассник. Все-таки он что-то услышал, что-то понял, может быть, и главное понял: они хотели перевернуть мир!

Как будто они на разных языках разговаривали. Решили поехать в Комарово. Проголосовали: все едем. В воскресенье на вокзале оказалось трое: заместитель директора, одна учительница и ее муж. В понедельник бросились к ребятам: как же так, вы же голосовали? Оказывается, они голосовали не слыша, не зная, за что они голосуют, никак это голосование к себе не относили, голосовали по привычке голосовать...

Пионерская не стала работать только с активом. Правило: все вместе. По идее Майи Германовны Казакиной, научного руководителя пионерской, они стали работать с целыми классами. Всем классом на молокозавод раз в неделю, расставлять пустые бутылки в ячейки железных ящиков. Никто не мог понять — зачем? Мальчишки паясничали, родители протестова-

ли, горе было, а не работа; но уже через месяц после ее начала, когда я спрашивал первых попавшихся в школьном коридоре ребят, все, не сговариваясь, отвечали: самое интересное у нас — работа на молокозаводе. Начали работать — и новые герои стали появляться. Кто умеет трудиться, кто умеет весело трудиться, кто может сочинить частушки про молоко и бутылки, быстро нарисовать «молнию», кто поднимает дух, а не ноет... Что такое перевоспитание? Смена героев, больше ничего.

Но все это были лишь дальние подступы. Главное, знала пионерская — сбор. Чтобы ребята не из речей, а глазами своими увидели ту новую жизнь, к которой их зовут, чтобы в себе ощутили хоть маленькие перемены, чтобы хоть приблизительно поняли, о чем же говорит пионерская! Не ждать годы, пока дойдут до хорошей жизни, а сразу показать ребятам реальный идеал.

К первому сбору в ноябрьские каникулы готовились как к битве. «Сбор должен пройти на «5+», иначе нам капут», — писала Фаина Яковлевна в те дни. Однако, несмотря на всевозможную агитацию, поехало всего тридцать человек, да и то не активисты, не самые влиятельные в классах, а случайные ребята, которым некуда было деться на каникулах. Что ж! Будут работать с теми, кто есть! Все ребята одинаковы!

Но тут была у них и подмога. Может, и в пять лет не удалось бы пионерской достичь тех результатов, которых она достигла, если бы не старые коммунары, воспитанники Фрунзенской. Их было десять человек, они тянули весь сбор, и не получиться он не мог. Вот где сказались те прежние двенадцать лет работы!

Не будем обманывать молодых педагогов, уверять, что истинный коллектив создается легко и просто: надо лишь пройти через такие-то стадии и провести такие-то мероприятия. Если нет «закваски», если нет ребят, которые сами хоть на короткое время хлебнули новой жизни, дело это бесконечно трудное... Создавать коллектив с самого начала, да еще без собственного опыта почти невозможно. Коллектив, как и жизнь, не самозарождается. Все нынешние коммунарские коллективы ведут свою родословную от Фрунзенской коммуны, от «Орлен-

ка»: всегда можно проследить живую цепочку из пяти-шести звеньев, которая приведет в Ленинград. Если никто своими глазами не видел образца, то надо обладать исключительными педагогическими способностями, чтобы создать истинный коллектив.

Итак, первый сбор, четыре дня под Ленинградом, тридцать случайных ребят... Цитирую письма:

«Ехать было страшно. Ребята ехать не хотели. Все спрашивали, что будет, и ждали чего-то веселого... Кажется, два дня ничего не происходило, а потом все произошло. Не хотели уезжать — как обычно бывало после коммунарского сбора. Мы сбором довольны. Работали, провели интересный разговор о школе, «университет» (четыре факультета), рассказ о коммуне, парад, посвященный 7 Ноября, День Греции, прекрасный вечер революционной песни (пели так, что дрожь по телу пробегала), вечер Маяковского (читали стихи), открытие нашего города, две прогулки с игрой, три вечерних общих сбора-огонька. Огонек — все! Чудо из чудес. И в той степени, в какой в классе нельзя проводить огонек, в той степени и плохо».

Девятиклассница писала после сбора: «Сначала было очень трудно. Ни одной свободной минуты у нас не было, постоянно нужно было думать, чего многие из нас просто не привыкли делать в таком количестве. Мы были как в другом мире. Из творческих дел очень понравился «университет», лекции в котором читали старые коммунары и взрослые, и веселый День Греции. Этот день начался с того, что у нас украли прекрасную Елену. Все отправились на поиски, было много смешного, но в конце концов каждому отряду досталось по Елене или Алене, а одному отряду — Людоедка Эллочка, и каждый отряд на обратном пути решал, как доказать, что именно наша Елена — Елена Прекрасная. Вечером у нас был греческий театр. Каждый отряд представлял разные жанры греческого театра: театр масок, трагедии и комедии. Сбор прошел очень хорошо, «на уровне мировых стандартов». Мы были как в другом мире».

«Мы...

другой мир! Теперь в пионерскую не надо было зазывать старшекласников: тридцать человек из нее не уходили, тридцать человек хотели и всегда жить, как в те четыре дня на сборе. Если бы всю школу — на сбор! Но что ж мечтать, надо вкраплять «другой мир» в обычную школьную жизнь, показывать ребятам, что и все они могут жить так же... Короткие письма из школы (некогда было длинные писать!) как фронтовые сводки:

22 ноября. «В субботу открыли школьное кафе. Было очень тихо, но ребята кофе не пили, а просто сидели, шепотом разговаривали и чегр-то ждали. Играла музыка серьезная. Слушали. Потом обсуждали, что хорошо в кафе и что плохо. Решили, что вечера в кафе должны быть тематическими».

24 ноября. «День географии для 5—10-х классов. Десятые-девятые проводят «аукцион» «Знаю ли я географию?», восьмые — разной, седьмые — обзор журнала «Вокруг света» и т. д. Продолжаем работу на молокозаводе, и теперь уже без хлопот».

27 ноября. «Общее комсомольское собрание. Во-первых, все пришли и без опозданий. Было очень тихо. Пять человек выступали без подготовки и по существу. Выбрали нового секретаря — девятиклассника, который был на сборе».

29 ноября (письмо Лены Махняевой, Лены-большой). «Трудно с пионерами. Готовим День истории. Когда отряду даешь задание что-нибудь решить, то придумывают мальчики, собравшись в кучу, а девочки говорят: «Без нас все решат» — и сидят в сторонке».

...Считается, что власть в общественной жизни захватывают девочки оттого, что нет сугубо мужских дел, например военизированных игр. Но вот стали проводить «Зарницу» — и опять во многих местах во главе батальонов — девочки, только теперь — в погонах. Но, как показывает опыт коммуны, истинно мужское дело — придумывание, творчество! Сначала, когда пионерская собирала председателей советов отрядов (их здесь для краткости называют командирами) и ребятам говорили: «Давайте придумаем...» — все молчали. Тогда догадались: надо выбирать в отряде по два командира. Пусть вдвоем придумава-

ют! Выбрали по мальчику и девочке. Дело пошло веселее: пошушуются, пошепчутся и что-нибудь предложат. Но вскоре ребята выяснили, что придумывать гораздо легче, если оба командира — мальчики. И вновь произошла смена власти: теперь каждый отряд был представлен в совете двумя командирами-мальчиками... Повсюду страдают от засилья девочек, а здесь одни только мальчики сидят в совете! Возникла проблема прямо противоположная: как девочек привлечь к общественному творчеству? Но продолжим сообщения из школы.

30 ноября (письмо Лены Махняевой). «Очень активно подключились к дежурству. Мне кажется, что у нас вся школа только и делает что дежурит. Мы установили совместное дежурство пионеров и комсомольцев. Они такие красивые, все в пилотках, даже девятые классы. Сегодня дежурные повесили плакаты: «Вы не бегайте, крича, плохи шуточки с Ф. Я.», «Наша служба и опасна и трудна» и прочее».

Это значит, уже и советы дела появились в школе — иначе откуда придумки? Письма Фаины Яковлевны:

2 ноября. «Прошел День географии. Обнаружили двух очень знающих и умных ребят. Оказывается, есть и звезды, а вначале казалось — никого... Я вожусь с десятым «В» классом — там заболела классная руководительница. В классе все колобродит. Одни с нами, человек 6—8, другие плевать хотят на все (человека четыре), остальные смотрят: что-то будет? Вот единственное: все классы хотят работать на молокозаводе и работают все хорошо. Время летит, ничего не успеваем...»

10 декабря. «Были ужасно тяжелые дни. Ничего не происходило и не получалось, я было совсем отчаялась и хотела написать, что мы все бросаем. А потом...

Кульминация была, когда мы проводили кафе (2-й раз). Пришли в полном составе три десятых класса. Пришли нарядно одетые посмотреть, что мы делаем. Короче: все прошло отлично. Полтора часа читали стихи французских поэтов 15—16 века — программу подготовили двенадцать человек с Леной, те, кто был на сборе, и их друзья. В зале за столиками было 100 человек, мест не хватило, но было необыкновен-

но тихо. Вторая часть — ребята со сбора пели песни, и третья — танцы. Кажется, темно и все такое, чтобы повторился тот первый вечер, но ничего подобного не было. Танцевали вполне достойно, а потом сели кругом и тихо пели. В 10 кончили. Было очень интеллигентно, в первый раз в этой школе. Теперь все хотят ходить в наше кафе, все готовятся, а о дисциплине и говорить нечего».

Вот так работает сбор в школе. Всего четыре дня провели вместе, а на каждом шагу: ребята со сбора провели... ребята со сбора пели... Выбрали секретаря из тех, кто был на сборе. Любопытно, что и новое слово сразу появилось: «сборовцы» — те, кто был на сборе.

13 декабря. «Ежедневно с одним-двумя разговариваю о жизни. Есть очень сложный паренек в 10-м. Все его ругают, внешне неказист. Был с ним большой разговор. Умный парень. Прекрасная речь. Говорит, что он был вполне приличным учеником, но так долго говорили ему, что он плохой, и в конце концов он стал таким. Мне его очень жаль. Говорю, дай помогу тебе, а он говорит, что уже поздно.

Сейчас готовим День истории — праздник 50-летия образования СССР. Десятые-девятые классы — конференция по теме «Культурная революция в жизни народов СССР» (литература, живопись, музыка). Восьмые классы — «Вечер горящих сердец» (о Луначарском, Баумане, Кирове и Чичерине). Шестые — игра по «станциям». Пятые-четвертые — викторина. На молокозаводе продолжаем работать, через неделю начнем работать в детском отделении больницы — будут играть с ребятами, читать им и т. д.».

17 декабря. «Все очень плохо. Вчера было кафе — посвятили его памяти декабристов. Опять пришли какие-то гопники (которых привели, конечно, наши), напились, и стало очень мерзко. Внешне как будто все очень пристойно, а вообще-то ничего не происходит. До часу ночи стояли у школы, разговаривали. И всю ночь, конечно, не спала. Самое противное было то, что один наш мальчик, А., все-таки не выдержал, пошел в магазин, принес вина и сам напился. А мы-то решили, что с этим все.

Так что же нам делать? Завтра посвящу этому день. Опять буду говорить, говорить... Какое-то расслоение среди ребят идет. Кто-то полностью с нами (человек 50—60), кто-то в середине, а остальные против (человек 30). Ухмыляются и говорят: «Неужели вы верите, что в школе можно что-то сделать?»

...Но пионерская верила. Дрогнули даже старые коммунары, которые то и дело приходили в школу: не получится! И все кругом твердили: не получится! И самим казалось минутами: не получится! Но пионерская верила. «Есть такой независимый механизм в человеке — вера, — говорит Фаина Яковлевна. — Одним она дается с детства, к другим приходит с делом. Я верю в наше дело, в нашу правоту!» Они мучились, искали — в чем же они ошиблись? Может быть, слишком громко начали? Может, нельзя приходить в старую школу с новой программой? Может быть, перейти в другую школу, начать все сначала, но тихо начать? Незаметно?

И все из-за того, что один ученик был пьян... Отвыкли!

Очень хотелось бы написать, что дальше все вдруг как-то само собой получилось у них, но не было этого. Было еще хуже.

6 января. «Конец декабря был странный. Конец четверти, все устали, куча дел и... страшный грипп. И все повалилось из рук. Мальчишки (с 6-го по 8-й класс) играют на деньги. Это как эпидемия. Игра называется «болтанка». Ужас. А мне-то казалось, что все хорошо. Вдруг стали плохо дежурить по школе; 9-й «Б» пошел на работу, а до молокозавода из 30 человек дошли 12, остальные пошли домой. А мне казалось, что уж с работой все отлично! Вот так и живем. Да разве это жизнь? Это письмо пишу с зимнего сбора. К сожалению, опять поехало только 42 человека (10 заболели). И это после ноябрьского сбора и нашей агитации! Столько сил и так мало ребят! В последний день учебы все 8—10-е классы ходили на спектакль в ТЮЗ. Было больше 250 человек. Все были ужасно рады, и вообще все было очень мило. Кончился спектакль, и... никто с нами не попрощался, не поздравил с Новым годом, просто прошли мимо нас, и все. Вот так. Не принято, поэтому — стыдно, и вообще — зачем? Ничего в школе не происходило в

эти полгода, ребята такие же, как в сентябре. Просто удивительно, как все это быстро получается. Это — я имею в виду полную бездеятельность и безразличие ко всему. Полное отчаянье, хоть беги из школы. Такое состояние у всех нас троих».

Тут важно заметить — отчего отчаяние? Такое чудесное мероприятие, 250 человек в театре, «все очень мило». Прекрасный факт для отчета, и сколько воспитателей даже не обратили бы внимания на эту мелочь, на то, что с ними не попрощались! Но пионерская привыкла судить о состоянии духа по мельчайшим мелочам. Они не с пьянством борются, не за вежливость, не за дисциплину, не мероприятия проводят, а дух поднимают! Между сценой у театра и тем, что один напился, прямая связь. Потому что, будем честны, нет способа исправить этого одного, не знает таких способов педагогика: нужен общий подъем духовной жизни всех ребят.

Терпение... Можно поверить в любое педагогическое чудо, но никогда не поверишь, будто был на свете хоть один педагог, не познавший отчаяния, и будто можно изобрести метод, который от отчаяния уберезет. Единственное, что остается педагогу в такие минуты — верить и призывать себя и товарищей своих к терпению. «Я поняла свой главный недостаток, — писала Фаина Яковлевна. — Я хочу сделать **все и немедленно**».

Это действительно опасный недостаток для педагога, и его большое достоинство. Терпение и нетерпение, как топливо и кислород, сгорают в одном огне и дают энергию душе. Тот, кто не хочет сделать все и немедленно, не сделает ничего и никогда.

14 января (письмо Лены Шалыгиной, Леночки-маленькой). «Если первый сбор (осенью) был для наших «познанием мира», так как было много коммунаров, которые в основном все делали и «развлекали» наших ребят, то зимний сбор принес много трудностей. Коммунаров не было, пришлось все делать самим, а это оказалось невероятно сложным. К тому же мы не смогли как следует подготовить сбор заранее, поэтому многие дела прошли просто на низком уровне, что очень повлияло на настроение ребят в первые дни, а значит, и на наше (со всеми

вытекающими отсюда последствиями). Ребята не понимали, в чем дело. Оказывается, они ничего не могут! Все ждали, пока «вылетит птичка», как говорит Ф. Я. Потом, на последнем разговоре, они сами смеялись над этим. Вот что я записала на последнем «Огоньке»:

Володя П. (10-й кл.). Для меня сбор — как гром среди ясного неба. Не могу прийти в себя. Главное — интересные люди!

Катя Н. (8-й кл.). Таких нормальных человеческих отношений не видала. Удовольствие от общения. На сборе впервые в жизни хотелось что-то делать!

А в анкетах на вопрос «понравился ли сбор» отвечали:

— Я был в первый раз. Понравилась жизнь, которой живут ребята, особенно огонек, обсуждение дня. Каждый день работаешь и руками, и ногами, и головой. Взрослые почти не вмешиваются, чувствуешь себя взрослым. Узнал много нового о музыке, о людях. Все вечера готовишь сам.

— Я в первый раз в жизни выступал сам.

— Здесь очень интересно и как-то необычно, очень нравится подготовка к делам.

— На первом сборе я в основном смотрела и училась, а этот дал мне возможность поработать самой.

— Убедился, что мне нужно больше читать и знать.

— Понравилась дружеские отношения между людьми, забота друг о друге; неразграничивание на старших и младших. Нравится, что все вопросы решают сами ребята.

— Весело. Чувствуешь себя человеком.

Опять: всего сорок ребят, и среди них много новичков, но — «гром среди ясного неба!» «Главное — интересные люди!» Это кто же — интересные люди? Да они сами...

24 января. «После сбора какой-то просвет! Сегодня два десятых класса добровольно остались готовить вечер о ленинградской блокаде, восьмые — опять же добровольно — выпускают газеты, и девятый пошел на работу. Был хороший разговор в двух десятых классах. Все говорят, что ребята плохо относятся друг к другу и не умеют учиться, а отсюда плохое настроение.

28 января. «Обстановка в школе улучшилась и разрядилась. Опять хожу в классы, говорю о том о сем, вернее, все о том же: о культуре поведения, отношений, о смысле жизни... Кажется, они начинают что-то слышать. Появилась новая традиция — ходить с ребятами в филармонию. На зимнем сборе был Виктор Малов (это один из первых коммунаров, теперь — художественный руководитель Краснодарской филармонии, он проводит с ребятами отличные беседы о музыке). Нашлись 26 человек (24 девочки и 2 мальчика), которые никогда не были в филармонии и просили пойти. Пошли на концерт из произведений Рахманинова. Им было довольно трудно, но сидели хорошо. Интересно было с ними в этот вечер. Ходили толпой. Скоро опять пойдем, и каждый возьмет с собой еще одного человека».

7 февраля. «Новостей очень много. Пожалуй, с десятками классами что-то произошло. По одиночке приходят в пионерскую и просят дать дело. Вчера два парня из 10-го «В» пришли и стали убирать комнату, которую нам дали для подготовки домашних заданий со слабыми и трудными ребятами. Хотим сделать ее уютной — будет самовар, книги... У Лены-большой был день рождения (кто-то узнал), старшие с барабаном, строем пришли поздравить ее, и было очень сердечно. Принесли молоко, разлили по чашкам, чокнулись и выпили. Сейчас усиленно готовится театральное кафе. Сегодня около 30 человек весь вечер сидели и готовили его. 14-го — открытие университета. На сборах мы его проводили, а вот в школе — впервые. Все 9—10-е классы расходятся по факультетам: физика, история, педагогика, живопись, биология. Кто куда хочет. Это, в общем-то, обычные лекции, как и всюду, но когда есть выбор, ребята идут охотнее. На заводе продолжаем работать. Это вошло в привычку. Пионеры начали работать в типографии. Каждый день — звено. Записываются добровольцами человек 15, приходят — шесть... Пионеры нас еще совсем не слышат. Дел столько, что даже с Ленами по 2—3 дня не разговариваем. Мы теперь так решили: они с комсомольцами, а я с пионерами, а через некоторое время поменяемся».

12 февраля. «Это письмо внеочередное. Пишу, чтобы сообщить: вчера было первое настоящее кафе. Ура!

Итак, было около 150 человек в зале. Кафе было театральное. Во время выступлений гробовая тишина. Два девярых класса подготовили капустник. Вход по билетам. Ажиотаж страшный. Некоторым ребятам я «доставала» билеты, были даже «контрамарки». Очень интересно оформили зал. Пили кофе, разговаривали. Очень мало и только прилично танцевали. В 10 часов объявили кафе закрытым. Никто не побежал в раздевалку, очень многие спрашивали, не нужно ли помочь. Все быстро убрали, вымыли посуду и вместе пошли домой. Хорошо!

У меня такое чувство, что кольцо сжимается, мы все приближаемся к ребятам. 9 февраля пионеры впервые хорошо поработали в типографии и сами попросили поработать сверх нормы еще два часа. Мы хвалили их, и реакция была очень интересной. Редко мы хвалим, так что восторг был полный. Итак, можно сказать, что работа и кафе получились! Скорее бы лето, большие надежды возлагаем на сбор. Повезем человек 150, не меньше».

Не могу удержаться от комментария: будем внимательны к механике работы. Сбор, второй сбор, а между сборами — собрание, кафе и другие творческие дела, которые теперь проводятся как на **сборе**, то есть с выдумкой, интересно, привлекательно для ребят. Сбор дает опыт, сбор как школа общественной жизни. Из той «сборовской» школы — в эту, обычную.

21 февраля. «Новый комсорг 8-го «А», Андреем зовут, вчера приходит и говорит: «Вот бы дело трудное дали нам всем классом сделать, а? Надо проверить себя да и ребят всех». Днем и ночью думаем об этом. На молокозаводе все работают, но это теперь игрушки. Деятельность для людей нужна или что-то в этом роде! Все, кто был на сборе, тоже для себя дела не нашли, хотя они все работают в школе. Теперь им этого мало!»

27 февраля. «Во всех 8—10-х классах прошли вечера в честь Дня Советской Армии. Буквально все старшие стали «ручными», многие уже слышат нас и сразу реагируют. Было очень интересно смотреть, как они веселятся и общаются. Жаль, что

в школе 31 класс, а если бы было, скажем, 18, то уже кое-чего определенного достигли* бы. Продолжаю ежедневно встречаться и разговаривать с 10—12 ребятами, в перемену еще два-три совета дел, и еще почти ежедневно что-нибудь в одном из классов. Подобралась к седьмым. Готовим «чайную» по примеру «кафе». За последнее время острых ситуаций с ребятами почти нет».

4 марта. «Сегодня воскресенье. Провели однодневный сбор: зарядка, линейка, выпуск стенгазет и кинофестиваль — сами играли фильмы, которые нравятся. Вечером прогулка по городу. Нашла двух очень умных ребят. Один из восьмого (учится плохо) и из четвертого. Трудно в 9-х и 10-х классах заниматься перевоспитанием, но и так доживать год — не хочется. Все, что мы делаем, это только разведка, правда, уже глубокая».

9 марта. «Очень приятно прошел Женский день. Много готовились, и все прошло культурно (оформление, встреча утром всех девочек с цветами и открытками, обслуживание в столовой, концерт по заявкам, подарки и т. п.). Самое смешное и грустное — поздравительные открытки, которые получили Лена, Леночка и я. Вот что пишут: «Пусть наша школа будет самой лучшей», или: «Пусть наша школа будет такой, какую вы хотите ее видеть», или еще: «Воспитайте нас честными и смелыми!»

Каждый день новости, с каждым классом альянс, и, конечно, есть движение, но нужно время! И только тогда получится, когда мы начнем с 3—4-го класса, а сейчас чисто внешние изменения происходят. А я все хожу по классам, что-то говорю, говорю... Все призываю ребят читать и думать».

22 марта. «Было хорошее комсомольское собрание, отчетно-выборное, такое, которое нас впервые устраивало. Ребята им очень довольны. Говорят, что такое было впервые, что оно было неформальное, что было несколько очень интересных выступлений... Все четыре десятых класса выступили с творческими отчетами, с наказом на будущий год. Смысл такой: «Не будьте дураками (так буквально было сказано), работайте, учитесь. Мы поняли, что это возможно и интересно». И главное,

впервые в истории школы были предложения признать работу «неудовлетворительной».

20 апреля. «Так получилось, что писать не могла. Приехала из Москвы, узнаю, что в первый день весеннего сбора тяжело заболел мальчик-пятиклассник, отправили в местную больницу, там он шесть часов был без сознания, наконец, привезли в Ленинград, и оказалось — менингит. Десять дней был в крайне тяжелом состоянии. Сейчас все благополучно.

В пионерской комнате ежедневные сборища. Весна! Сидят, делать ничего не хочется, домой не идут. Грустно, что десятые уходят. Это накладывает отпечаток на жизнь школы. О чем бы ни думала, все возвращаюсь к ним.

Провели в школе день ТЮЗа для всех классов с 4-го по 10-й. Прошел отлично. Все готовились упорно и с интересом. Сегодня первый день, когда я освободилась в 8 часов. Стыдно, но работаем с утра до ноченьки...»

В этом месте, я знаю, иной читатель подумает: «Вот! Вот она простая разгадка: «Работаем с утра до ноченьки...» А у многих ли такая возможность? И что это за методика, если она требует работы с утра до ноченьки?

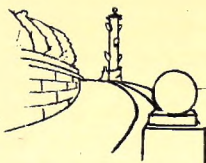
Но вспомним Макаренко: первые годы — каторга. И к тому же они не просто работали, перед ними стояло угнетающее «да» или «нет». Получится или не получится? В пионерской комнате висела грамота за победу в городском соревновании комсомольских организаций школ, они провели мероприятий на десять школ и на десять лет, но это еще не значило «да». Не результат. Им нужен был дух и стиль коммунарской жизни. Они умели делать день, делать сбор, делать коммуны, а школу? Школу они пока что не сделали.

Три воспитателя, три обыкновенные женщины — не теоретики, не мыслители, не обладатели сверхсильных характеров и невероятных педагогических способностей, эти три рядовых человека, из которых одной было 27, а другой 24, взяли на себя очень трудную ношу.

Когда мы в «Алом парусе» собрали семьдесят ребят и поставили перед собой дерзкую воспитательную задачу, мы

знали, что в Ленинграде эта задача решена, что она в принципе решается, и нам было легко. А пионерская не знала, решается ли ее задача, и все кругом твердили, что не решается она, что они взялись за невозможное.

И ведь даже не директорами они работали! Не было у них и власти! Две пионервожатые да организатор внеклассной работы — великие ли должности в школе? И никакого спуска им не давали, ни малейшего промаха не прощали. А если бы у них не получилось, никто бы и не заметил провала, никто и не спросил бы с них — как позже никто не заметил их победы и никто не похвалил их. Рядовая, будничная работа, каждый день которой — предсказываю — отзовется тысячами и тысячами счастливых детских дней далеко от этой школы, в пространстве далеко и во времени... Они работали с утра до ноченьки, чтобы те, кто будет вторым, третьим, сто пятнадцатым, работали спокойно и уверенно, зная, что задача решается.

10. ТЯЖЕЛОЕ ЛЕТО

Да, они нервничали, отчаивались, падали духом — не хладнокровные исследователи перед нами и не герои. Но, страдая, унывая, стыдясь своего упрямства, преодолевая тысячекое сопротивление, они продолжали свое дело — ни на шаг не отступили от идеи.

Худо ли, бедно ли, но первый учебный год был позади. Они добились многого — и были очень далеки от цели. Наступал решительный час: летний сбор. Итог их годовой работы и залог работы будущей.

Кого же везти на сбор? Вновь — кто хочет, и значит, вновь — невидимый отбор? И опять останется неясным, можно ли работать по коммунарской методике со всеми детьми без отбора и разбора.

Решились на необычный шаг. Собрали всех старшеклассников-комсомольцев. Фаина Яковлевна выступила с речью; и так эта речь была зажигательна, что собрание единогласно проголосовало: едем на сбор все, без исключения! Постановили, но когда дошло до дела, то оказалось: тот не может, тот не хочет, а тот думает отдыхать с родителями. Нет! Голосовали? Голосовали. «У нас было основание заставить ехать всех и заодно научить: прежде чем голосовать — думать», — писала Фаина Яковлевна. Много было драм, скандалов, объяснений с родителями, да и самим было не сладко: не привыкли они **заставлять**. Но голосовали? Вынесли решение? Будьте добры выполнять...

Поехали все: четыре старших класса полностью, да еще пионеры, итого — 170 человек. С ними 20 взрослых, из которых лишь шестеро имели коммунарский опыт, остальные — новички. Шесть на сто семьдесят. Им предстояло **сделать сбор** — то

есть добиться, чтобы установился в лагере коммунарский стиль добрых отношений, творчества, мажора, чтобы все 170 увидели реальный идеал — как надо и как можно жить. Хоть к последнему дню сбора! Хоть на один миг! Плазма существует в земных лабораториях лишь секунды, но даже это ее краткое существование сулит человечеству неисчерпаемые источники энергии. Все-таки она существует!

Однако и не совсем уж новичков везли на сбор. Три коротких опыта — осенний, зимний и весенний — не пропали даром. В школе распространились слухи, что на сборах какая-то особая жизнь... Ребята, ехавшие в Вишки (это под Даугавпилсом), были готовы к подвигам, у них была установка на лучшую жизнь:

«Я ждала чего-то необыкновенного. Я прочитала книгу о коммуне — она показалась мне необыкновенной. Я послушала рассказы пионерской, и они тоже показались мне необыкновенными. И, наконец, рассказы о сборах моих одноклассников, которые раньше ездили, — и опять что-то необыкновенное (а уж им-то я больше всего верила). Что я заключаю в понятие «необыкновенное»? Попробую объяснить. Во-первых, постоянная кипучая жизнь; ни одной свободной минутки. Во-вторых, совершенно иные, чем в школе, отношения в коллективе. В-третьих, ощущение самого коллектива. Дальше необыкновенное касается меня. Я ожидала получить массу новых знаний, отчего надеялась стать высокоинтеллектуальной особой. И вообще я хотела проверить себя (причем я была уверена, что раскроюсь почти как гений). И еще что-то вкладывала я в это понятие «необыкновенное», отчего у меня было ужасно радостное и восторженное настроение. Но самое интересное то, что я рассчитывала сразу же попасть в эту необыкновенную жизнь, уже сделанную для меня кем-то».

Увы! Ужасное разочарование ожидало автора письма: «Приехали. Разумеется, необыкновенную жизнь для меня никто не сделал. Ни о каких необыкновенных отношениях нет и речи. Даже элементарное внимание — и то выражается в миллиграммном количестве. Все сами по себе. Об ощущении коллек-

тива можно только мечтать. Его у нас нет и, как мне кажется, не будет. Отношение к творческой работе такое же, как в классе (одна делает, десять смотрят)».

Так драматически начался этот первый сбор, на который поехали практически все. Однако заметим, что и в этих строчках, написанных в середине сбора, уже есть открытие: оказывается, необыкновенную жизнь надо делать самим...

3 августа. (письма Фаины Яковлевны). С утра очень хорошо поработали на прополке капусты. Вчера было ЧП: после неоднократных предупреждений один мальчик все-таки закурил прямо при всем народе. Я просто онемела. И конечно же, решила его отправить. Я была в ярости... И вдруг собрался отряд и ребята стали говорить, что я не имею права без общего сбора ничего решать. Все поняли очень хорошо свои права. А вот с обязанностями плохо. Хотя все здороваются и уже говорят «спасибо». Меньше стали кричать. Более подтянуты, аккуратнее выглядят. Больше улыбаются».

Она изо всех сил старалась быть объективной в этих письмах, она старательно подчеркивала хорошее: работали, подтянуты... Но что было на душе, об этом можно догадаться по фразе «я была в ярости», по совершенно невыносимому для прежних дней «решила его отправить». Слабость? Да, слабость. «Ребята не признают нас, злятся на нас». А сколько воспитателей, за которыми дети идут безоговорочно, на которых смотрят влюбленно. Нет! Ничего такого здесь нет. Никакой влюбленности, никакой магии. Самые обыкновенные люди.

11 августа. «Все плохо. Сегодня утром конфликт взрослых со всем лагерем. Сегодня и завтра все решится. Быть или не быть! Таких ребят я не видела ровно 14 лет».

13 августа. «События так быстро развиваются, что я не успеваю опомниться. Час — вроде ничего, потом полный завал и т. д. Позавчера мы были в отчаянье, вчера намечался взрыв. Мы все были на волоске от полного провала. Помогает наша злость, интуиция и... бессилие. Во вчерашнем конфликте с ребятами еле-еле уговорила взрослых согласиться, что мы не правы. Был разговор о коммуне, читали отрывки из книги. По-

том вместе пели и — отбой. Через час после отбоя три отряда готовили сюрприз для лагеря. Одни наготовили дрова, которых уже нет, другие оформили «огонек» для пионеров, третьи готовили творческое дело, и все точно как в коммуне. А два отряда в 3.15 ночи пошли допалывать капусту. Идти туда час и обратно час, два часа работали, а утром были на зарядке. И все тайно и т. д. Все хотят жить по-новому... Сегодня день рыцарей. Очень веселая была линейка, сейчас все на работе, вечером турнир рыцарей и карнавал. Внешне все 11 дней выглядят прилично, но в отрядах конфликт за конфликтом».

15 августа. «Хуже вчерашнего дня у меня ничего в жизни не было. После рассказа о коммуне, ночных десантов, замечательного дня рыцарей начался страшный спад, и в конце дня было невыносимо. Настроение плохое, никто ничего делать не хочет, все валится из рук, не говоря о том, что взрослые хотят спать, устали. В отрядах все разругались. Мы в полной растерянности. Бегали, ругались, думали и... придумали. Вызвали директора совхоза, который соответственно выступил, похвалил за капусту. И сегодня все уехали на уборку помидоров в отличном настроении и, кажется, собираются работать две смены. Дело пошло... У взрослых разный опыт, многое на словах не объяснить. Острые ситуации — ежечасно. Самое приятное — это вечерние огоньки, работа в поле. Конечно, этот сбор отличается от всех предыдущих летних сборов. И все-таки он не зря!»

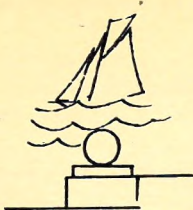
Конечно, не зря! И даже та девятиклассница, которая так ждала сбор и так быстро разочаровалась, когда выяснилось, что необыкновенную жизнь надо строить самим, даже она еще в середине смены, 15 августа, честно отметила: «Что касается духовного мира, то здесь кое-что сдвинулось. Мне начали нравиться стихи (после того, как меня «всунули» в совет дела)». Немалое приобретение!

И лишь на 21-й день, в последние три дня перед отъездом «все произошло».

26 августа. «Всю ночь сидела с больным мальчиком. Страшная ангина и даже удушье было. Все кончилось хорошо. Очень интересные были последние три дня. Сплошные добровольцы.

Все хорошо работали. Вежливы по отношению друг к другу. Особенно усердствовали мальчики по отношению к девочкам. Изменилось отношение к нам, взрослым. Мы слишком хотели, чтобы все быстрее произошло, а от этого еще никогда пользы не было. Мы все не понимали, почему внешне все хорошо, а в отрядах — ничего. Нужно было время».

Первого сентября, через год после появления трех воспитателей в школе, было счастье и восторг. «Линейку провели прямо на улице, очень хорошо выступили ребята со сбора, мы все, взрослые, были завалены цветами, одарены улыбками и лаской абсолютно всех — учеников и даже учителей. Очень приятно в школе встретиться с ребятами летнего сбора. Они все отличаются и подтянутостью, и доброжелательностью ко всем, и желанием работать. Но еще не учиться: этого им еще не хочется. С нами на сборе были две учительницы. Первые два дня одна из них прибегала в пионерскую и спрашивала: «Что мне делать, я прихожу на урок, а мне улыбаются?» Ей никогда в жизни не только не улыбались, но и просто не обращали на нее внимания (7 лет стажа). Она не ходит по школе, а летает. Говорит, что верит во все наши начинания, что ей стало легче на уроках и особенно с летними ребятами, они ей морально помогают. А летом она отказалась работать с отрядом, помогала на кухне...»

11. ЦЕПОЧКА НЕ ОБОРВАЛАСЬ

Учителя один за другим переходили в новую веру — начинали понимать, что же делает пионерская, и становились убежденными сторонниками новой методики. Математик Нина Васильевна Кожанова сказала мне:

— Ученики стали неузнаваемыми. Деловой настрой. Сдвиг в сознании.

Маргарита Васильевна Иванова, учительница литературы:

— Отношение к общественной работе стало лучше во сто раз.

А учительница химии Тамара Алексеевна Старицына (9 лет стажа) после первого же осеннего сбора работала в пионерской так, словно она тоже вожатая или воспитатель: «Я нашла здесь смысл жизни», — объяснила она.

Тамара Алексеевна привезла 14 своих десятиклассников на зимний сбор. «И вдруг они такие же, как коммунары, стали, — рассказывает она. — Ну абсолютно то же самое, поняли, в чем дело, что надо и что не надо. Раньше приходилось заставлять класс работать, а теперь ребята сами. Все делают сами, и без всяких, без ругани. Я фактически освободилась от классного руководства, только контроль, чтобы в рамках, потому что они еще маленькие, могут глупостей наделать. Для меня вопрос бесспорный: я приобрела методику. Я и раньше понимала, что всегда надо действовать через ребят... Но я не понимала, как это делать, не понимала в институте, о чем речь. И на педагогической практике этого не было. Все было непонятно, пока не увидела».

И еще подмога подросла: старший вожатый соседней

школы Михаил Федорович Мосалев перешел сюда работать лаборантом — лишь бы поближе к пионерской. «Поет, рисует и еще умный», — говорили о нем.

Михаил Федорович сделал обратную карьеру: конструктор в КБ, учитель, старший вожатый, затем лаборант. Каждый переход стоил ему ползарплаты — и ровно двойной выигрыш, по его мнению, получал он в духовном развитии.

...Так что теперь их пятеро было в пионерской, потом еще восемь учителей стали «своими»... И пропадала в пионерской М. Г. Казакина, прибегали выпускники и старые коммунары — чем помочь? Настоящий штаб... Там, где истинное воспитание, там всегда много взрослых. Магнит! «130 своих ребят, 8 учителей, 1 завуч, завхоз, 3 нянечки (а было с ними совсем худо), 7 прошлогодних десятиклассников» — такой актив насчитала Фаина Яковлевна через год после начала работы: «И еще около 200 человек улыбаются нам, когда мы идем по школе...» Конечно, она слишком строга, конечно, как показывали анкеты, «своих» было куда больше. Но отметим этот подсчет улыбок, которым, оказывается, можно измерить результат...

Прошел всего год, и на страшный вопрос «да или нет?» твердо отвечали: да. Стало ясно, что и вся школа **может** жить по коммунарским законам, хотя до полной победы было еще далеко. Надо было начинать и с другого конца, с младших. Тут возникло такое теоретическое разногласие: а правильно ли вообще сделала пионерская, что сначала сосредоточила свои силы на старших, даже на десятиклассниках, которые тут же ушли из школы и, казалось, унесли с собой все затраченные на них труды? Не впустую ли усилия? Нет. Лицо школы определяют старшие ребята, их отношение к работе, их настрой. Завоевали старших — и по невидимым каналам пошло по школе их влияние на младших, начал работать реальный идеал — мощнейшее средство воспитания. А когда старшие стали «своими», когда учителя на примере старших увидели, каким может быть воспитание, то появилась возможность взяться за самых маленьких, за первоклашек. И вот, когда принимают малышей в октябрята, то не концерт у них, нет! Расходятся по домам, и

с помощью родителей (заранее проинструктированных) каждая звездочка готовит первый свой «творческий сюрприз» для всей октябрятской группы — вот это праздник!

Так они и работали — с утра до ноченьки, со старшими, с младшими, с пионерами...

Приведу свидетельство очеркиста Нины Павловой из журнала «Клуб и художественная самодеятельность». Она побывала на втором летнем сборе школы. Сторонними глазами свидетеля посмотрим, как претворяются в жизнь те общие положения, о которых мы говорили.

«...Лагерь ошеломил меня настолько, что отчетливо помнится лишь первое впечатление. Помню, брела я по лесу наугад, отыскивая палатки лагеря. Спросить не у кого — ели да сосны. Вдруг через просеку бесшумным призраком скользнул отряд индейцев. Из ельника вышли несколько королей и королев в бумажных мантиях. «Вы к нам в лагерь? — спросила меня королева. — Тогда я знаю, вы будете жить в Санкт-Петербурге».

За деревьями показались палатки... и запестрило в глазах: 200 мальчишек и девчонок в самых невероятных костюмах из бумаги носились в разных направлениях по своим сверхсрочным делам — красили, строили, жгли костры, варили борщи и каши, спорили, орали, командовали...

Я действительно поселилась в Санкт-Петербурге. Он же Спарта. Он же партизанская землянка. Он же... проще сказать, что в лагере никогда не знаешь, где и в каком веке проснешься. По утрам нас будят стихами, объявляя, что сегодня мы подданные Шахматного королевства или древние греки. Погода — хуже не бывает: холодно, вторую неделю костры и палатки заливают дождь. Не живем, а тонем! Тонем и хохочем — утром в нетерпении выскакиваем из палаток на холод, потому что если объявлено, что сегодня XIX век, значит, в лесу уже что-то случилось: ветер раскачивает старинные фонари на шестах. Столовая (поляна у костра) превращена в особняк графов Ростовых. Графиня Ростова в кринолине из простыни суетится, принимая гостей. А мы, то есть гости, важничаем, изображая кто во что горазд: Болконских, Безуховых. Таково правило здешней жиз-

ни: войдя в столовую, надо войти в роль и назваться кем-то из героев книги или фильма, а ежедневно меняющиеся вывески над столовой означают тему импровизации.

Каждый день в лагере с утра до вечера идет такая непрерывающаяся игра, спектакль, бал-маскарад, уж не знаю, как назвать. Каждый день необычный: сегодня День Шахмат, завтра День Древней Греции, послезавтра Партизанский день, потом День Телевидения, День Сказок, День Рыцарей и т. п. Пересказывать сценарий какого-либо дня было бы неразумно — их здесь не пишут, а сочиняют живьем на ходу...

Фантастический лагерь! Здесь бывает, чего не бывает: пассивные одержимы жадной творчеством. Разболтанные — дисциплинированы. Главное, все рвутся совершать положительные поступки и являют чудеса трудолюбия: ребята не только сами готовят и обслуживают лагерь — они ежедневно перевыполняют норму на прополке...

Парадокс лагеря: здесь не борются за дисциплину — здесь вообще никого не уговаривают быть хорошими. Непривычно, а все-таки может быть и такая мода: на талант, подтянутость, самоотдачу в любом деле.

...Своеобразный стиль: говорят с ребятами вполголоса — и мало говорят. А чтобы стал понятным стиль немногословной педагогики, надо пояснить: в этом лагере взрослые живут на общих основаниях. Строятся, как все, на зарядку — своим отрядом. Это отряд Друзей. Они действительно друзья — между собой и в отношениях с младшими. У каждого отряда есть свой Друг. Он не вправе командовать отрядом — в лагере самоуправление. Отношения с ребятами построены на чисто человеческой основе: если нужен совет, Друг всегда придет на помощь. И он не пойдет к отряду, если увидит, что в нем не нуждаются...

Система здешней творческой иерархии такова: каждым днем руководит Совет Дела из 5—7 ребят. Тот же принцип добровольческого набора — кто хочет войти в Совет Дела ко Дню индейцев? Вызываются охотно, потому что Совет Дела — не просто оргкомитет, это штаб и герои будущей игры: вожди

индейских племен, Гекторы, Ахиллы, Менелаи... Совету Дела дается на подготовку несколько дней, чемодан книг и консультанты из Друзей. На период Дела вся полнота власти в лагере передается Совету — он раздает задания командирам, те, в свою очередь, разбивают отряды на творческие группки...

Мне очень понравились здешние «сырые» концерты. Скажу больше: не раз присутствовала на представлениях талантливых детских коллективов, искренне восхищена ими, а вот, пожалуй, впервые увидела самый ребячий жанр в искусстве. Это же главный талант детства — жажда выдумывать, фантазировать, сочинять...

Почти традиция больших летних сборов — когда лагерь начинает шатать от усталости и ливней, общий сбор принимает решение: на работу выходят только добровольцы, остальные отсыпаться, набирать сил. «Хитренькие! — разгадал этот маневр Петя. — Так ведь каждый выйдет». Невелика хитрость, а почему-то волнуешься, когда в серое холодное утро раздается команда: «Добровольцы, вперед»... В этом главная воспитательная сила лагеря: подростки здесь совершают поступки, заставляющие их почувствовать себя хорошими людьми. Именно потому, что не принуждают: хочешь — выбирай себе ношу потяжелее — твое дело: за подвиг в лагере не превозносятся, а за слабость не осуждают. Личный, хотя в итоге массовый, выбор — жизнь по нравственным нормам сильных».

Художественный руководитель Краснодарской филармонии В. А. Малов, который прошел с коммуной все ее первые годы, долгое время работал в «Орленке» и очень хорошо знает, что такое коммунарский дух и стиль, писал мне с первого зимнего сбора:

«Такой глоток свежего воздуха, этот сбор, что даже постоянное старческое несогласие со многим, что происходит и что не происходит, не отравляет общей моей человеческой радости. Уже пятнадцать лет пытаюсь осознать, понять до конца, где скрыта самая главная мысль всего этого? Методика? Не уверен. Хотя и не без оной. Почти неуловимое, построенное на тончайших нюансах взаимоотношений взрослых и детей брат-

ство без лицемерия, искреннее уважение и дружба...

Словом, понять не дано.

И все же, до чего чист педагогический труд! На какой самоотверженности, на каком бескорыстии он держится — с утра до ночи, спанье в неудобных кроватях, питание в несъедобных столовых. И все-таки этим детям суждено стать коммуной, вернее, они уже стали ею. Ибо противостоять Ф. Я., не поддаться ее педагогической магии не под силу даже взрослым».

Это — на сборах, на летнем, на зимнем... А в школе?

Я приезжал в школу через год после начала работы, после того вечера, на котором никто и танцевать не хотел и вызывали отчаяние лица: тусклые взгляды, и никто тебе не ответит, никто с тобой не заговорит, все глаза отводят. Попроси о чем-нибудь — отвернутся, пожмут плечами.

А теперь? На каждой перемене в пионерскую сбегаются ребята, собираются вокруг столиков, расставленных по углам, спорят, о чем-то говорят тихо и деловито. Посреди пионерской, на самом неудобном месте — шаткое металлическое сооружение с тремя горшочками цветов. Для красоты и ...чтоб не бегали. И все же почти каждый день кто-то из малышей, расшалившись, задевает сооружение, оно падает, горшочки — вдребезги, мальчишка в ужасе. Но тут же спокойно подходит Елена Ивановна, Лена-большая, утешает: «Разбились? Ничего, вон совок и веник» — и на утро несет новые горшочки... Только звонок с урока — кто-нибудь из ребят включает проигрыватель, а один день был — на всех переменах звучала Пятая Бетховена: оказывается, вечером школа идет в филармонию, больше ста билетов купили. Я тоже пошел на концерт, и на верхней галерее со мной то и дело здоровались незнакомые юные личности — видели в школе.

Я был на комсомольском собрании «Школа, комсомол, ты». Висело у входа огромное, в два роста, объявление с вопросами, и все собрание называлось «Восемнадцатое мгновение весны» (видимо, на совет дела, который готовил собрание, повлиял только что показанный тогда телефильм). Старшеклассники с утра пришли в школу нарядами — наряднее, чем на прошло-

годний вечер! Разодетыми! За столиками в вестибюле комсорги раздавали анкеты, и каждый должен был выразить свое отношение к учению, поставив галочку под одной из улыбающихся и хмурых рожиц. Весь день перед собранием школа хлопотала, как перед праздником, — разбирали анкеты, украшали зал, прикалывали белые бумажные буквы на темный занавес: «Человек должен учиться потому, что он человек. Сухомлинский». Никакого напряжения, все весело, дружелюбно, открыто — лица открыты! До собрания было еще много времени, а уже стали собираться в зале. У входа стояли дежурные и спокойно, не уставая, повторяли: «По рожицам садитесь, по рожицам...» — то есть если ты отметил в анкете, что доволен своим учением, налево садись, недоволен — направо. Все деловито рассаживались «по рожицам», никаких насмешек, все шли на собрание с интересом и полным доверием, и никого не волновало, что не по классам будут сидеть (а как держать дисциплину, если не по классам? А как классный руководитель будет над рядами нависать: «Тихо! Я кому сказала!»). На сборах у них все перемешалось: класс классом, но и в соседнем классе — друзья, и в младшем — друзья, и всюду — друзья. Говоря языком социологов, между формальной и неформальной структурой появилась третья, объединяющая — «сборовская», и она все подчинила себе. В назначенное время все до одного оказались на местах, и не пришлось председателю устанавливать тишину, он просто начал собрание тихим и будничным голосом, немного флегматичный мальчик попался, но и его слышали, здесь все всех слышали. А потом начали выступать перед двумя трибунами, одна слева, другая справа, довольные учением и недовольные. Так очередь желающих выстроилась! Очередь желающих выступить на школьном комсомольском собрании, на котором не персональное острое дело, а речь об учении, об уроках, двойках и прочей прозе... Говорили и глупости, не без этого, и тогда зал смеялся, но беззлобно и дружелюбно — мол, не робей, говори! Я смотрел на этих ребят и думал: а куда же делись те, прошлогодние? Как будто их распустили по домами и набрали каких-то

новых, отобранных... И, честно говоря, не только радовался я тогда, но и злился: «Да что же это такое? Да что же мы ругаем наших ребят? Да вот что с ними можно сделать за один только год!»

Случилось так, что в зале вдруг погас свет — пробки перегорели. Ну словно нарочно — крошечная тьма, ибо окна были плотно зашторены. Позже я во многих школах спрашивал: «Что будет, если в зале, где сидят все старшеклассники, погаснет свет?» В ответ обычно переглядываются: «Что будет? Кто-то свистнет, найдется такой... Кто-то завизжит...»

А здесь не случилось ровным счетом ничего. Взрослые, учителя как сидели все вместе в последнем ряду, так и остались сидеть; дежурные побежали похлопотать насчет пробок. А зал? В зале сразу стали петь, словно репетировали этот педагогический фокус заранее. Свет зажегся, песня оборвалась, и трое парней-ведущих продолжали собрание, как ни в чем не бывало.

И еще через год я был в школе, после второго летнего сбора. Опять попал на собрание: «Комсомольская организация и интеллектуальный фон класса». Я записал 37 выступлений, одно другого интереснее. За президиумом стояли две доски, и специально приставленные ребята вылавливали из речей деловые предложения и тут же их на досках записывали: так составилось решение собрания. Был в кафе; в большом актовом зале, где два года назад бродили подвыпившие и понурые, теперь были расставлены столики, накрытые для кофе, — чашки, сахар, баранки, сухари. Пришли нарядные ребята. У дверей внизу нет дежурных, приходи в школу кто хочет. Но пьяные сюда не пойдут, это ведь даже они понимают — нельзя. Мальчишка-девятиклассник пригласил садиться, но никто не торопился занять места, подождали, пока девочки сядут, потом на свободные — мальчики, а остальные ребята, кому не хватило места за столиком с чашкой, спокойно устроились вдоль стен, без малейшей обиды. И никого из взрослых! То есть были, конечно, все тут — но мы были как в гостях, все шло само собой: читали короткие доклады о великих математиках (кафе на этот раз было математическое), потом была защита матема-

тических действий, включая танцевальную сюиту на тему «извлечение корней» (по мотивам сказки о репке), потом математический кроссворд, смешной до невозможности, математические забавы, но лежали на столиках и труднейшие задачи для любителей, а в углу работал киоск с самыми серьезными книгами по математике и физике. Все эти выдумки меня не удивляли, понятен был механизм — как это делается. Удивляло другое — дежурные в белых колпаках, потихоньку разливавшие кофе; терпение, с каким слушали даже и скучноватые доклады. Перерыв — и все спокойно поднимаются, шумят, весело. Объявляют продолжение — вмиг все на местах. Стали под конец танцевать, но танцы сами собой превратились в смешные детские игры в общем кругу: «шел козел по лесу, по лесу, по лесу, нашел себе принцессу, принцессу, принцессу...» Потом так же в кругу пели при свечах, и было им всем хорошо. Тремя годами прежде мы заспорили с воспитателями: «Ну вот вы пойдете в школу, станете работать, а что считать результатом?» Кто-то в шутку сказал: «А когда старшеклассники, не стесняясь, в «козлика» играть будут — тогда и скажем, что получилось».

Получилось.. При настоящем воспитании, я заметил, ребята, когда они серьезны, серьезнее и содержательнее своих сверстников, а когда веселятся, гораздо моложе их. Совсем как дети. С упоением пляшут «козла» — только плечами пожмешь.

Ребята скакали по кругу, взявшись за руки, прыгали, пели, громко хлопали в ладоши, дрыгали ногами, дурачились и смеялись. Им было легко, и я подумал тогда, что это и есть то прекрасное, что дала ребятам пионерская; способность испытывать чувство единения с людьми, способность радоваться этому чувству. Чтобы дать детям радость, мало удовлетворить какие-то их желания, надо научить их желаниям новым, неизвестным им прежде. Сейчас, в зале, когда руки в руках друзей, это не минутное обманное возбуждение у них, за которым обычно следует разочарование и усталость, — это глубинное слияние душ в общей любви к друзьям и к себе самим. Всю жизнь будут ребята помнить чувство

единения, слияния и, не побоимся сказать, забвения себя. Ведь самый тяжелый груз человека — груз своего «я». На что только не идут люди, чтобы освободиться от него хоть на мгновение! А эти ребята — они как в невесомости парят самозабвенно, но кто из них потерял себя? Лишь серость делает людей одинаковыми, а в радости лица так непохожи одно на другое! Добавим к научным определениям истинного коллектива: в нем каждый человек — «я», причем мощное «я», но это «я» не давит, а поднимает. Личность и растворяется, и концентрируется в едином сложном движении, которое, по сути, и есть духовная жизнь. Пионерская взялась воспитывать, то есть учить лучшей жизни, и вот он — результат.

Я пошел в старшие классы и попросил ребят строго анонимно и только для моего пользования написать несколько слов про жизнь в школе — без подписи, отметив только, мальчик или девочка писала. Вот что обнаружилось в ответах мальчиков:

«Мне нравится та атмосфера, которая царит у нас во время работы».

«Нравится, что выполняется все задуманное. Даже неудавшееся имеет черты крупного масштаба».

«Нравится то, что почти все что-то делают (можно сказать, все), чего в других школах я не видел».

Я разговаривал с родителями старшеклассников, и они тоже в один голос говорили о том, как переменялись их дети. Одна мама сказала:

— Одухотворенность — вот самое положительное, что появилось в их жизни.

— Я вижу по своему Андрею: за эти два года он понял, что такое вкусно, интересно жить, — сказала другая мама.

Конструктор Вадим Лукич Седых, человек крайне занятый, привез своего сына на летний сбор и, увидав, какая там жизнь, остался в лагере на весь свой отпуск. Он говорил мне:

— Для меня все это — как появление нового качества в нашей школе. Какая-то жилка в них, струнка, другие отношения. Сами собой командуют... А главное — отношение к труду. Нико-

гда не видел, чтобы люди так работали! Начинаешь уважать этих ребят. А фактор творчества? Приходят с работы усталые и сами друг перед другом что-то выдумывают, изобретают, откуда что берется! Пошли мы с ними в поход, заблудились, тридцать километров крюка дали, пришли — у многих ноги окровавлены. А в походе — ни звука, ни один не пикнул, один о другом заботился. Я-то нес стандартные 32 килограмма, а они с маленьких мешки снимают, на себя наворачивают. И без разговоров, вот что приятно! Пришли на место — стали работу искать, помогли в уборке урожая, а вечером — творческое дело... Уважение к своему слову прививается и точность. Уезжаешь со сбора — как будто десять лет сбросил...

—
Это было на втором летнем сборе, а третий не состоялся; теперь пионерская работает в разных местах: Фаина Яковлевна — завуч в Доме пионеров, Елена Ивановна — историк в одной школе, Елена Борисовна — географ и старшая вожатая в другой. Но когда они возьмутся делать следующую школу, то первый сбор (это уже решено) проведут не коммунары, а выпускники школы у Витебского. Результат был получен. Цепочка не оборвалась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Н. Столетов. Предисловие	3
Результат	5
Получается	12
Сбор, сбор, сбор!	20
Как делают день	25
Три минуты на шум	35
Для кого?	42
Старшие друзья	47
Истинный и подлинный?	55
Школа у Витебского	60
Тяжелое лето	79
Цепочка не оборвалась	84

Симон Львович Соловейчик

ВОСПИТАНИЕ ТВОРЧЕСТВОМ

Главный отраслевой редактор *Р. Д. Станковская*

Ст. научный редактор *О. Г. Свердлова*

Мл. редактор *И. А. Ириархова*

Художник *Е. Н. Урусов*

Худож. редактор *Т. С. Егорова*

Техн. редактор *Т. В. Пичугина*

Корректор *В. Е. Калинина*

ИБ № 2100

A03343. Индекс заказа 82108. Сдано в набор 17. 05. 78 г. Подписано к печати 11. 07. 78 г. Формат бумаги 70X100¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,90. Уч.-изд. л. 4,42. Тираж 367 200 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 1723. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Цена 14 коп.